ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

ПОЖИЗНЕННЫЙ СРОК

Удивительный, искрометный талант, непревзойденный интеллект и одновременно гармония и страсть.

Джеффри Дивер

«Королева скандинавского криминального романа».

Хеннинг Манкель

Продано более **12 000 000** экземпляров, переведено на 30 языков мира

ЛИЗА **МАРКЛУНД**

#1 *NEW YORK TIMES* BESTSELLING AUTHOR

Анника Бенгтзон

Лиза Марклунд

Пожизненный срок

«Центрполиграф»

2007

Марклунд Л.

Пожизненный срок / Л. Марклунд — «Центрполиграф», 2007 — (Анника Бенгтзон)

Полицейский Нина Хофман была на дежурстве, когда поступило сообщение о выстрелах в центре Стокгольма. Убитым оказался ее друг, комиссар полиции Давид Линдхольм, и все улики указывают на его жену Юлию, находившуюся тут же с физическими травмами и в состоянии аффекта. К тому же пропал их четырехлетний сын. По бессвязной, невразумительной речи Юлии можно было догадаться, что во время трагедии в квартире находилась еще какая-то женщина… Сообщение о смерти одного из самых известных и уважаемых детективов Швеции застало журналистку Аннику Бенгтзон, некогда освещавшую нашумевшее дело о Нобелевском убийце, далеко не в лучшие ее времена. Но ни разлад с мужем, ни обвинение в сожжении собственного дома не помешали ей со всем профессионализмом и присущей ей дотошностью окунуться в новое громкое дело.

© Марклунд Л., 2007
© Центрполиграф, 2007

Содержание

Часть первая 5
Четверг, 5
Пятница, 38
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Лиза Марклунд
Пожизненный срок
Роман

Часть первая
Июнь

Четверг,
3 июня

Вызов поступил в три часа двадцать одну минуту. Он был отправлен из регионального отдела полицейского управления всем патрульным машинам в центре Стокгольма. Сообщение было коротким и лишенным деталей.

– Всем подразделениям, всем подразделениям! Сообщение о выстрелах на Бондегатан.

Больше ничего – ни номера дома, ни информации о жертвах или звонившем в полицию.

Но, несмотря на это, у Нины почему-то заныло в груди.

«Бондегатан – длинная улица, на ней живут тысячи людей».

Боковым зрением она уловила, как сидевший на пассажирском месте Андерссон потянулся к передатчику, и, упредив коллегу, схватила аппарат и нажала левую кнопку, одновременно сворачивая на Ренстирнасгатан.

– 16–17, – доложила она. – Мы в квартале от Бондегатан. Можете дать номер дома?

Андерссон театрально вздохнул и принялся демонстративно смотреть в окно патрульной машины. Нина бросила на него быстрый взгляд, пока автомобиль катил в сторону Бондегатан. «Опять эти детские капризы. Ну, если он так хочет…»

– Вызов для 16–17, – сказал оператор. – Вы ближе всех к месту. Это ты, Хофман, прием?

Номер патрульной машины был привязан к номеру жетона на форменном кителе Нины. Перед каждой сменой регистрационный номер машины привязывали к номеру жетона для базы данных Центрального отдела оперативного планирования. Это означало, что оператор центра всегда знал, кто из полицейских находится в той или иной машине.

– Вас поняла, – произнесла Нина в микрофон. – Сворачиваю на Бондегатан…

– Как выглядит дом? Прием.

Она остановила машину и окинула взглядом массивные кирпичные дома по обе стороны улицы. Рассветное солнце еще не проглянуло между домами, и Нина прищурилась, стараясь различить их силуэты. В одном из домов на правой стороне улицы, в квартире на верхнем этаже горел свет, все остальные дома были погружены в предрассветный мрак. В этот день проводилась ночная уборка улиц, так что у тротуаров не было припарковано ни одной машины, отчего улица казалась пустой и заброшенной. У обочины, на полпути к Нюторгсгатан, стоял лишь старый ржавый «пежо» со штрафной квитанцией на ветровом стекле.

– Насколько я могу судить, везде тихо. Какой номер дома? Прием.

Оператор назвал номер дома, и Нина похолодела: «Это номер дома Юлии. Там живут Юлия и Давид».

«У него квартира в Сёдере, Нина! Господи, как я хочу вырваться из этой кишки!»

«Не гонись за ним только потому, что у него есть квартира, Юлия…»

– 16–17, взгляните, что там произошло. Будьте осторожны…

Нина опустила все стекла, чтобы лучше слышать, что происходит на улице, тронула машину с места, выключила ближний свет и медленно поехала по знакомой улице – без проблескового маячка, без сирены. Андерссон напряженно вглядывался в темноту.

– Думаешь, там действительно что-то произошло? – спросил он.

«От души надеюсь, что нет».

Нина остановила машину, выключила двигатель и принялась вглядываться в серый бетонный фасад. На втором этаже, в одном окне, горел свет.

– Надо рассчитывать на худшее, – коротко сказала она и снова взялась за рацию. – Говорит 16–17. Мы на месте. В доме спят не все. Нам подождать 90–70?

– 90–70 все еще в Юрсхольме, – ответил оператор, уточнив местонахождение передвижного командного пункта.

– Это где Нобелевский убийца? – спросил Андерссон, но Нина жестом велела ему замолчать.

– Есть ли поблизости другие машины или отряд быстрого реагирования? – спросила она по радио.

– Мы сейчас сменим частоту, – сказал оператор. – Все, кого это касается, перейдите на частоту 06.

– Эта нобелевская история наделала много шума, – сказал Андерссон. – Ты слышала, что они взяли эту сучку?

В машине стало очень тихо, и Нина почувствовала, что бронежилет сильно трет ей поясницу. Андерссон беспокойно поерзал на сиденье и бросил взгляд на здание.

– Это вполне может быть и ложная тревога, – сказал он, чтобы подавить страх.

«О господи, пусть это и в самом деле будет ложная тревога».

Рация начала потрескивать уже на новой частоте.

– Все переключились? 16–17, прием?

Нина нажала кнопку передатчика, чувствуя, что язык намертво прилип к нёбу. Она с трудом произнесла положенные фразы:

– 06, мы здесь. Прием.

Ответили и другие патрульные машины – две из центра города и одна из пригорода.

– Группа быстрого реагирования недоступна, – сказал оператор. – 90–70 едет к вам. Хофман, ты берешь на себя общее руководство до приезда командного пункта. Придержи пару машин в резерве. Дом надо окружить, расставив машины. Всем подразделениям следовать к месту без шума.

В этот момент с противоположного направления на Бондегатан въехала еще одна полицейская машина. Водитель выключил фары и заглушил двигатель.

Нина открыла дверь и вышла, громко стуча по мостовой каблуками тяжелых ботинок. Она плотно вставила в ухо динамик рации и открыла багажник.

– Возьми щит и дубинку, – сказала она Андерссону, настраивая личную рацию на частоту 06.

Из стоявшей в двух кварталах патрульной машины вышли двое полицейских.

– 19–80, это вы? – тихо спросила она в микрофон, укрепленный на правом плече.

– Да, – подтвердил один из полицейских и поднял руку.

– Вы пойдете с нами, – сказала Нина.

Другим патрульным она приказала занять позиции в противоположных концах площади для лучшего обзора – одной машине на углу Сконегатан и Сёдерманнагатан, а другой – на углу Эстъётагатан.

Андерссон в это время рылся в куче бинтов, огнетушителей, лопат, фонарей, антисептических гелей, ограждающих лент, аварийных знаков, папок с бланками и прочего хлама, которым обычно забит багажник любой полицейской машины.

– 16–17 – центру, – произнесла Нина в микрофон. – Можете назвать имя звонившего человека? Прием.

После короткого молчания оператор ответил:

– Гуннар Эрландссон, второй этаж.

Нина подняла голову и оглядела фасад выстроенного в шестидесятых годах здания с квадратными венецианскими окнами. На кухне второго этажа, за красно-белыми клетчатыми занавесками горел неяркий свет.

– Он еще не спит. Мы идем.

Подошедшие двое полицейских представились: Сундстрём и Ланден. Нина коротко кивнула и набрала код замка подъездной двери. Никто не обратил внимания на тот факт, что она знает код на память. Нина вошла в подъезд и еще больше приглушила рацию. Другие полицейские молча последовали за Ниной. Андерссон, замыкавший цепочку, заклинил входную дверь, чтобы она на всякий случай осталась широко открытой.

На лестнице было темно и пусто. Свет скудно сочился из стеклянных окон в металлической двери лифта.

– Здесь есть внутренний двор? – негромко осведомился Ланден.

– За лифтом, – шепотом ответила Нина. – Дверь справа ведет в подвал.

Ланден и Сундстрём подергали двери. Обе оказались запертыми.

– Открой двери лифта, – приказала Нина Андерссону.

Полицейский заклинил и двери лифта, чтобы никто из жильцов или потенциальных преступников не смог воспользоваться лифтом. Андерссон остановился на ступеньках в ожидании следующих приказаний.

Паника проявилась резкими ударами сердца, отдававшимися в затылке. Спасение Нина нашла в уставе.

«Сначала оцените положение. Блокируйте лестничную шахту. Поговорите с человеком, позвонившим в полицию, чтобы определить, где раздались выстрелы».

– Ну что ж, давайте определимся! – сказала она и стала быстро подниматься по ступенькам с этажа на этаж.

Андерссон шел за ней, отставая на один лестничный марш.

Лестничный колодец был зловеще темен. В тишине слышался шорох форменной одежды Нины. Пахло моющими растворами. За закрытыми дверями угадывалась жизнь – поскрипывали кровати, тихо шлепали по эмали капли из текущих кранов.

«Здесь ничего не случилось, ничего опасного. Все хорошо и спокойно».

Наконец, немного запыхавшись, она дошла до квартир верхнего этажа. Обстановка здесь была другой – мраморный пол, снабженные системами безопасности двери. Нина знала, что в конце восьмидесятых дом ремонтировали и решили устроить в верхнем этаже квартиры повышенной комфортности – вскоре после этого катастрофически рухнули цены на недвижимость. Несколько лет квартиры пустовали, едва не обанкротив ассоциацию владельцев. Теперь цены, конечно, были заоблачно высокими, но Давид до сих пор возмущался непроходимой глупостью прежнего комитета.

На площадку, тяжело дыша, поднялся Андерссон и раздраженно вытер пот со лба.

– Похоже, это ложный вызов, – объявил он.

– Сначала послушаем, что скажет человек, который нас вызвал, – ответила Нина и пошла вниз.

Сундстрём и Ланден ждали их на втором этаже, возле двери с табличкой «Эрландссон, Г. и А.».

Нина подошла к двери и тихо постучала.

Ответа не последовало.

За спиной Нины нетерпеливо переминался с ноги на ногу Андерссон.

Она снова постучала, на этот раз значительно громче.

Дверь приоткрылась, закрытая на тяжелую цепочку, выглянул мужчина в белом в синюю полоску халате.

– Гуннар Эрландссон? Полиция, – сказала Нина, показывая человеку служебное удостоверение. – Вы позвонили в полицию и сказали о каких-то подозрительных звуках. Нам можно войти?

Мужчина прикрыл створку, снял цепочку и распахнул дверь.

– Входите, – прошептал он. – Не хотите кофе? Жена испекла рулеты с домашним мармеладом. Она сейчас спит, у нее бессонница, и она принимает таблетки…

Нина вошла в прихожую. Квартира была точно такая же, как у Давида и Юлии, но намного чище.

– Не беспокойся, – сказала Нина.

Она заметила, что Эрландссон обращается к Ландену, самому рослому из мужчин. Теперь он тревожно переводил взгляд с одного полицейского на другого, не зная, к кому обращаться как к главному.

– Гуннар, – сказала Нина, легонько взяв мужчину за плечо, – давай присядем и ты расскажешь, что слышал, ладно?

Мужчина заметно напрягся.

– Да, – вымолвил он, – конечно, конечно.

Он провел ранних гостей в устланную толстым ковром и безукоризненно убранную гостиную с коричневыми кожаными диванами. Повинуясь привычке, опустился в обращенное к телевизору кресло, а Нина присела на краешек кофейного столика.

– Расскажи, что случилось, Гуннар.

Мужчина с трудом сглотнул слюну, все еще лихорадочно по очереди оглядывая полицейских.

– Я проснулся, – заговорил он. – Меня разбудил резкий звук, хлопок, похожий на выстрел.

– Почему ты решил, что это именно выстрел? – спросила Нина.

– Я лежал в кровати и сначала подумал, что этот хлопок мне приснился. Но потом он прозвучал снова.

Мужчина достал из лежащего на столике футляра очки и принялся нервно их протирать.

– Ты не охотник? – спросила Нина.

Гуннар Эрландссон посмотрел на нее с неподдельным ужасом.

– Господи, конечно нет, – ответил он. – Убивать невинных животных – это, по-моему, средневековое варварство.

– Если ты не знаком с огнестрельным оружием, – пояснила Нина, – то почему решил, что это был выстрел? Может, стукнуло в моторе проезжавшей машины?

Эрландссон несколько раз жалобно моргнул, а потом умоляюще посмотрел на Ландена.

– Нет, звук раздался не с улицы, – возразил Эрландссон, показав на потолок. – Он донесся из квартиры Линдхольмов. Могу поклясться, что выстрел прозвучал там.

Нина почувствовала, как комната покачнулась и снова встала на место. Она стиснула зубы, чтобы не вскрикнуть.

– Спасибо, – сказала она. – Мы вернемся позже, чтобы составить официальный протокол.

Давид и Юлия Линдхольм.

«Не знаю, смогу ли я так жить и дальше, Нина».

«Прошу тебя, только без глупостей, Юлия!»

Она обернулась и жестом приказала Сундстрёму и Ландену перекрыть лестницу в обоих направлениях, а Андерссону велела следовать за собой к двери. Они с Андерссоном стали по обе стороны от двери, уйдя с линии огня.

Нина несильно надавила на дверь. Она была заперта. Нина знала, что эта дверь закрывается автоматически, если ее специально не удерживать открытой. Она поискала на поясе складной нож, легким движением запястья открыла, просунула в щель для писем, приоткрыла ее и заглянула внутрь.

В прихожей горел свет. Из квартиры тянуло запахом типографской краски и еды. На коврике у двери валялась утренняя газета. Нина повернула лезвие ножа, чтобы прорезь оставалась открытой. Она извлекла из кобуры пистолет и убедилась, что патрон в патроннике, взглянула на звонок, дав понять Андерссону, что не хочет и дальше скрывать их присутствие.

Опустив пистолет, она нажала кнопку, и из квартиры послышался звонок.

– Полиция! – громко произнесла Нина. – Откройте!

Она прислушалась. В квартире было тихо.

– Юлия, – позвала Нина негромко. – Юлия, это я, Нина. Открой. Давид?

Бронежилет давил на грудь, не давая дышать. Нина почувствовала, что на лбу выступил пот.

– Так это Линдхольм? – спросил Андерссон. – Давид Линдхольм? Ты знакома с его женой?

Нина сунула пистолет в кобуру, достала из внутреннего кармана кителя личный мобильный телефон и набрала знакомый номер городского телефона.

Андерссон подошел ближе.

– Послушай, – сказал он, оказавшись совсем рядом. Нина с трудом подавила желание сделать шаг назад. – Послушай, если ты лично заинтересована в этом деле, то тебе не следовало бы…

Нина отсутствующим взглядом посмотрела на Андерссона. В квартире одиноко зазвонил телефон. Звонки ритмично лились из щели почтового ящика.

Андерссон отошел на свое прежнее место. Звонки прекратились, включился автоответчик. Нина прервала вызов и набрала другой номер. На этот раз мелодичная музыка раздалась с пола в прихожей. Должно быть, мобильный телефон Юлии лежал в ее сумке, поставленной на пол.

Значит, она дома, подумала Нина. Юлия никогда не выходит из дома без сумки.

– Юлия, – еще раз позвала Нина, когда телефон переключился на голосовую почту. – Юлия, ты здесь?

Ответом была гробовая тишина. Нина отступила на несколько шагов, нажала кнопку на рации и негромко заговорила:

– Это 16–17. Мы допросили звонившего, и он сообщил, что звуки, которые он принял за выстрелы, раздались в квартире этажом выше. Мы позвонили в эту квартиру, но нам никто не ответил. Что нам делать? Прием.

После короткой паузы оператор ответил:

– Отряд быстрого реагирования до сих пор недоступен. Вызов ваш. Действуйте. Отбой.

Нина выключила рацию.

– Хорошо, – спокойно произнесла она, глядя на Андерссона и двух офицеров на лестнице. – Будем взламывать дверь. В машине есть ломик?

– Да, есть, – ответил Ланден.

Нина кивнула, и полицейский бегом спустился по ступенькам в подъезд.

– Можешь ли ты руководить операцией, если… – заговорил Андерссон.

– Что ты предлагаешь? – перебила его Нина грубее, чем ей хотелось. – Чтобы я передала руководство тебе?

Андерссон осекся на полуслове.

– Мне кажется, что с Юлией Линдхольм было связано что-то пикантное? – спросил он. – Не была ли она замешана в каком-то скандале?

Нина снова набрала номер мобильного телефона, и Юлия снова не ответила.

Вернулся Ланден с нужным инструментом. Это был увесистый лом из прочной стали длиной около метра.

– Мы имеем право ломать дверь? – спросил Ланден, переводя дыхание и передавая Нине лом.

– Любая задержка может повредить делу, – ответила Нина.

Двадцать первый параграф устава полиции гласит: «Полиция имеет право войти в квартиру, комнату или любое иное жилище, если есть веские основания считать, что в закрытом помещении кто-то умер, находится в бессознательном состоянии или по какой-то иной причине не способен позвать на помощь».

Нина передала лом Андерссону, сняла пистолет с предохранителя и сделала знак остальным занять свои места.

Андерссон вставил заостренный конец лома между полотном двери и дверной коробкой, а Нина ногой прижала дверь, чтобы, открывшись, она не ударила коллегу в случае, если кто-то попытается силой вырваться из квартиры.

С третьей попытки Андерссону удалось сломать замок, практически не повредив дверь. Из квартиры донесся явственный запах еды.

Нина напряженно прислушалась, плотно прикрыв глаза и сосредоточившись. Потом она открыла глаза и резко повернула голову влево, быстро окинув взглядом прихожую. Никого. Взгляд в сторону кухни. Никого. Она заглянула в спальню. Там тоже было пусто.

– Я войду, – сказала она, прижавшись спиной к дверному косяку, и посмотрела на Андерссона. – Прикройте меня. Полиция! – еще раз громко произнесла она.

Ответа не последовало.

Напряженно переставляя ноги, она отошла от двери, отшвырнула ногой газету и бесшумно вошла в прихожую. Висевшая под потолком лампа слегка покачивалась, наверное, от сквозняка. Сумка Юлии действительно стояла на полу слева от входной двери. Рядом лежала куртка Александра. Справа, в гардеробе, на плечиках, висели куртки Давида и Юлии.

Внимательно осматривая кухню, Нина услышала за спиной дыхание Андерссона.

– Проверь детскую, – сказала она, поведя рукой с пистолетом в сторону первой открытой двери слева от входа в кухню.

Коллега скользнул в детскую. Нина слышала, как шелестит ткань его брюк.

– В детской чисто, – доложил Андерссон через несколько секунд.

– Обыщи шкафы, – приказала Нина. – Когда закончишь, закрой дверь.

Сама она сделала несколько шагов вперед и вошла в кухню. На столе стояли две тарелки с остатками спагетти.

«Юлия, Юлия, когда ты станешь хоть немного опрятнее? Я так устала все время убирать за тобой грязь».

Сквозняком тянуло из спальни, наверное, из открытого окна. Шторы были задернуты, в комнате стоял непроницаемый мрак. Несколько мгновений Нина вглядывалась в темноту, но не уловила ни малейшего движения. В комнате стоял резкий, незнакомый и неприятный запах.

Нина протянула руку, пошарила рукой по стене и включила свет.

Поперек кровати, на спине, лежал голый Давид. Там, где должны быть гениталии, виднелись окровавленные петли кишок и разорванная кожа.

– Полиция, – сказала она, заставляя себя действовать так, как будто этот человек был еще жив. – На вас направлено оружие. Поднимите руки.

Ответом была звенящая тишина, и Нина вдруг отметила, что зрение у нее стало туннельным. Она внимательно огляделась. Занавески слегка шевелились от сквозняка. На столике у кровати – со стороны, где спала Юлия – стоял стакан с водой. Пуховое одеяло комом сбилось в изножье кровати. На одеяле лежал пистолет, такой же, какой был у Нины, – «Зауэр-225».

Нина машинально схватилась за рацию.

– 16–17 вызывает центр. На месте происшествия пострадавший. Пока не могу сказать, жив ли он. У него две огнестрельные раны – одна в голову, одна в пах. Прием.

Ожидая ответа, Нина подошла к кровати и склонилась над Давидом. Теперь она видела, что этот человек, несомненно, мертв. Правый глаз был закрыт, словно Давид спал. Вместо левого глаза зияло входное отверстие пули. Кровотечение давно прекратилось, так как сердце перестало биться. В животе тоже зияла рана, из которой на матрац вытекали резко вонявшие экскременты.

– Где скорая помощь? – спросила Нина в микрофон. – Они не получили вызов по этому адресу? Прием.

– Я послал по этому адресу скорую и судмедэкспертов, – ответил в ухо Нине оператор. – Кто-нибудь еще в квартире есть? Прием.

В двери появился Андерссон и уставился на мертвое тело.

– Пойдем туда. – Андерссон махнул рукой в сторону ванной комнаты.

Нина сунула пистолет в кобуру и поспешила в прихожую. Когда она открыла дверь в ванную, у нее перехватило дыхание.

Юлия лежала на полу возле ванны. Вокруг головы нимбом разметались светлые волосы, вымазанные рвотными массами из спагетти и соуса. Она лежала, прижав к подбородку колени, как плод в чреве матери. На Юлии были трусы и большая, не по размеру, футболка. Одна рука была подложена под голову, а другая судорожно сжата в кулак.

– Юлия, – тихо произнесла Нина, склонилась над подругой и отвела волосы с ее лица. Глаза Юлии были широко распахнуты. Лицо покрыто бледными пятнами запекшейся крови. Из угла рта к полу стекала струйка вязкой слюны.

«Господи, она умерла, она умерла, и я не смогла спасти ее. Прости меня!»

Женщина захрипела, дернулась и резко вдохнула. Желудок ее снова сократился.

– Юлия! – громко проговорила на этот раз Нина. – Юлия, ты ранена?

Женщина несколько раз судорожно отрыгнула воздух, а потом снова без сил повалилась на пол.

– Юлия, – сказала Нина, кладя руку на плечо подруги. – Юлия, это я. Что случилось? Ты ранена?

Она посадила Юлию и прислонила ее спиной к ванне.

– 16–17, – прозвучал в наушнике голос оператора. – Еще раз повторяю: есть ли в квартире еще раненые? Прием.

Юлия закрыла глаза, голова ее безвольно откинулась назад, упершись затылком в эмалированный край ванны. Нина подхватила голову Юлии и одновременно пощупала пульс. Сердце билось очень часто.

– Пострадавших двое. Один, по-моему, мертв. Прием.

Она отключила рацию.

– Андерссон! – позвала она, слегка повернув голову. – Обыщите квартиру. Обшарьте каждый дюйм. Где-то здесь должен быть четырехлетний ребенок.

Юлия шевельнула губами, и Нина вытерла рвоту с ее подбородка.

– Что ты сказала? – прошептала Нина. – Юлия, ты хочешь что-то сказать?

Нина осмотрелась, чтобы удостовериться, что в ванной нет оружия.

– Нам выставить оцепление? – спросил из прихожей Андерссон.

– Оцепите лестницу, – ответила Нина. – Сюда едут судмедэксперты и люди из криминальной полиции. Начинайте опрашивать соседей. Начните с Эрландссона, потом опросите соседей на этаже. Постарайтесь узнать, кто разносит газеты. Может быть, он что-то видел. Вы осмотрели комнаты?

– Да, мы даже залезли в духовку.

– Никаких следов мальчика?

Андерссон в нерешительности потоптался в двери.

– Тебе что-то непонятно? – спросила Нина.

Коллега продолжал переминаться с ноги на ногу.

– Думаю, что совсем неправильно, что ты занимаешься расследованием этого дела, – сказал он, – учитывая, что…

– Но я уже здесь и получила это задание, – резко парировала она. – Выставляй оцепление.

– Хорошо, хорошо, – ответил Андерссон и вывалился из квартиры.

Губы Юлии беспрестанно шевелились, но она была не в состоянии что-нибудь произнести. Нина продолжала левой рукой поддерживать ее голову.

– Сейчас приедет скорая помощь, – сказала Нина, свободной рукой ощупывая тело подруги под футболкой.

Ни ран, ни даже царапин. Оружия при ней тоже нет.

В отдалении послышался вой сирен, и Нину охватила паника.

– Юлия! – громко крикнула Нина, ударив ладонью по щеке Юлии. – Юлия, что случилось? Скажи мне!

На мгновение глаза Юлии стали осмысленными.

– Александр, – прошептала она.

Нина склонилась к лицу Юлии.

– Что с Александром?

– Она его забрала, – выдохнула Юлия. – Та, другая женщина забрала Александра.

Сказав это, Юлия потеряла сознание.

Когда Юлию Линдхольм выносили на носилках из квартиры в Сёдермальме, где она проживала с мужем, Анника Бенгтзон ехала в такси к центру Стокгольма. Когда в районе Рослагстюлля машина пересекла городскую черту, над горизонтом встало солнце, окрасив алым цветом крыши домов. От этого контраста с темными пустыми улицами у Анники стало резать в глазах.

Водитель внимательно посмотрел на нее в зеркало заднего вида, но она притворилась, что не заметила этого.

– Так ты знаешь, как начался пожар? – спросил он.

– Я же сказала тебе, что не хочу разговаривать, – ответила Анника, глядя на мелькавшие в окне дома.

Ее дом только что сгорел дотла. Кто-то бросил в окна три бутылки с зажигательной смесью, одну на нижнюю лестничную площадку, а потом по одной в каждую из детских комнат. Она смогла спустить обоих детей из окна своей спальни на простынях, а теперь крепко прижимает их к себе на заднем сиденье машины, прикрыв руками, словно крыльями. И она, и дети пропахли дымом. Васильковая блузка Анники была вымазана сажей.

«Я приношу с собой смерть и несчастья. Все, кого я люблю, умирают».

«Прекрати, – приказала она себе, до боли прикусив губу. – В конце концов, ты справилась. Главное – сосредоточиться и действовать».

– Обычно я никого не вожу в кредит, – угрюмо произнес водитель, остановившись перед красным сигналом светофора.

Анника закрыла глаза.

Полгода назад она узнала, что у ее мужа Томаса роман с сотрудницей, ледяной блондинкой по имени София Гренборг. Анника положила конец этому роману, но ничего не сказала Томасу. Она не сказала ему, что все знает.

Вчера он узнал об этом.

«Ты лгала, притворялась и водила меня за нос несколько месяцев, – орал он, – и ты вообще все так делаешь! Ты сама решаешь, как должен выглядеть этот мир, и всякий, кто не согласен с тобой, идиот».

– Это неправда, – прошептала она, чувствуя, что сейчас разрыдается прямо в такси.

«Она хотела, чтобы мы встретились, вот я и еду к ней».

Глаза жгло, словно огнем. Анника широко открыла их, чтобы они не переполнились слезами. Каменные фасады домов, сияя, горели на утреннем солнце.

«Если ты сейчас уйдешь, то уже никогда не вернешься».

Он устремил на нее незнакомый, странный взгляд прищуренных, покрасневших, страшных, мертвых глаз.

«Хорошо».

Она смотрела, как он идет по паркету к выходу, как берет с пола портфель, открывает дверь и исчезает в сером тумане. Он вышел, не оглянувшись, и дверь захлопнулась за ним.

Он оставил ее, и в ту же ночь кто-то бросил в дом три бутылки с зажигательной смесью. Кто-то попытался убить ее и детей, но его не было рядом, чтобы спасти их, и ей пришлось выбираться одной. Она прекрасно знала, кто бросил эти бутылки. Сосед напротив – тот самый, кто уничтожил ее клумбу, изрыл колесами машины лужайку и делал все, чтобы избавиться от нее. Да, это сделал он – Вильгельм Гопкинс, председатель ассоциации владельцев вилл.

Она теснее прижала к себе детей.

«Ты расплатишься за это, ублюдок».

Она попыталась позвонить Томасу, но его сотовый телефон был выключен.

Он не хочет, чтобы она ему звонила, не желает, чтобы ему мешали. Да она и сама прекрасно знала, чем он сейчас занят.

Она не стала оставлять сообщение, просто подышала в его новую свободную жизнь, а потом отключилась. С него довольно.

«Предатель. Обманщик».

– Какой, ты говорила, номер дома?

Такси свернуло на Артиллерийскую улицу.

Анника погладила детей по головкам, чтобы разбудить.

– Мы приехали, – прошептала она. – Мы у Анны. Идемте, дети…

Анника открыла дверь, и в салон ворвался холодный утренний воздух. Эллен свернулась на сиденье калачиком, а Калле захныкал во сне.

– Оставь в залог мобильный телефон, – сказал таксист.

Анника вытащила детей из машины, повернулась и бросила телефон на заднее сиденье.

– Я его выключила, так что звонить с него ты все равно не сможешь, – сказала она, захлопывая дверь.

* * *

Анна Снапхане осторожно повернула голову и посмотрела на лежавшего рядом с ней мужчину, на его темные, торчавшие ежиком, напомаженные волосы, на подрагивавшие ноздри. Мужчина крепко спал.

Как же давно у нее не было близости с мужчиной. С тех самых пор, как Мехмет связался с маленькой моногамной барышней и оставил ее, Анну, отказавшись от свободных отношений.

«Как он хорош, как юн. Он почти мальчик».

«Наверное, считает, что я слишком толстая», – подумала Анна, проверив, не потекла ли тушь. Потекла, но совсем немного.

Да, подумалось ей, она слишком толста. И слишком стара.

Сильнее всего ее поразил исходивший от него запах крепкого пива.

Когда она поняла это, ей стало стыдно.

Прошло полгода с тех пор, как она не берет в рот спиртного.

Неужели всего полгода? Ей казалось, миновала целая вечность.

Она перекатилась на бок и принялась изучать профиль лежавшего рядом молодого человека.

Это может стать началом чего-то нового, свежего, приятного и доброго.

Как хорошо будет выглядеть информация о ней рядом с газетными интервью: «Семья: дочь пяти лет, бойфренд – двадцати трех лет».

Протянув руку, она коснулась его волос. Какие они жесткие, как будто заплетены в мелкие косички.

– Робин, – прошептала она почти беззвучно, проведя пальцами по его лбу. – Скажи, что я тебе нравлюсь.

Он мгновенно проснулся, но не от шепота Анны, а от невыносимо напористого дверного звонка. Открыл глаза, сел и ошеломленно осмотрелся. Анна мгновенно отдернула руку.

– Что за черт? – спросил он, глядя на Анну так, словно видел ее впервые.

Она натянула простыню до подбородка и попыталась улыбнуться.

– Это всего лишь звонок в дверь, – сказала она. – Но я не собираюсь открывать.

Он выпрямился, и Анна заметила, что снадобье, которым были намазаны его волосы, оставило громадное пятно на наволочке.

– Это не твой старик? – спросил он с тревогой в голосе. – Ты же говорила, что у тебя никого нет.

– Это не мужчина, – сказала Анна, встала, тщетно пытаясь завернуться в простыню, и заковыляла в прихожую.

Звонок снова противно зажужжал.

– Да сейчас, мать вашу, – ругнулась Анна, чувствуя, как в ней закипает раздражение и разочарование. Она так давно ждала такой ночи, хотела казаться опытной, чувственной, но теперь была просто растеряна и выбита из колеи. Дьявол!

Она завозилась с замком, глотая звуки, очень похожие на рыдания.

На пороге стояла Анника с Калле и Эллен.

– Что тебе нужно? – спросила Анна, слыша, как дрогнул ее голос.

Анника выглядела безмерно усталой. В ответ она только вздохнула. Было видно, что у нее нет сил на объяснения.

– Ты соображаешь, который час? – спросила Анна.

– Мы можем у тебя поспать? – спросила Анника. – Наш дом сгорел.

Анна скептически посмотрела на детей. Сгорел? Она услышала, как Робин в туалете спустил воду.

– Ты приехала не вовремя, – сказала она, подтягивая простыню к подбородку.

Калле заплакал, к нему тотчас присоединилась Эллен. Из двери потянуло холодом, и Анна туже запахнула простыню.

– Вы можете не кричать? – спросила она. – Сейчас еще ночь, в конце концов.

Анника смотрела на Анну широко открытыми влажными глазами.

«Господи, только бы еще и эта не разревелась!»

– Нам некуда идти.

В спальне кашлянул Робин. «Только бы он сейчас не ушел».

– Но, Анника. – Анна оглянулась через плечо. – Я же в этом не виновата.

Анника отступила на шаг, набрала в грудь воздух, словно собираясь что-то сказать, но не смогла произнести ни слова.

Анна попыталась улыбнуться.

– Надеюсь, ты понимаешь.

– Не может быть, чтобы ты говорила это серьезно, – сказала наконец Анника.

Было слышно, как Робин ходит по спальне.

– Я сейчас не одна, и ты не представляешь, как много это для меня значит.

Анника зло прищурилась:

– Ты и в самом деле стала такой эгоисткой?

Анна моргнула. Что? Кто стал эгоисткой?

– Я не смогла вынести из дома деньги, – сказала Анника, – мне даже нечем расплатиться с таксистом. Или ты думаешь, что мне вместе с детьми следует спать на улице?

Анна едва не задохнулась от злости. «Кто она такая, чтобы меня обвинять?»

– Пришло время платить по счетам? – спросила она. – Ты заплатила за эту квартиру, а теперь требуешь компенсации?

Голос Анники Бенгтзон сорвался на фальцет:

– Ты не можешь помочь мне даже в такой малости?

«Он одевается. Он хочет уйти».

Анна поняла, что Робин собрался уходить, и, чтобы задержать его, вышла на площадку и закрыла за собой дверь.

– Я уже достаточно тебя наслушалась! – зашипела Анна, изо всех сил стараясь держать себя в руках. – Я слушала тебя много лет. Я постоянно слушала твое нытье о том, что все идет не так, что у тебя скучный муж и ужасная работа. Вот что я тебе скажу – это не я спихивала других вниз!

Анна почувствовала, что у нее задрожали ноги.

– Ты это серьезно? – спросила Анника.

Отвечая, Анна с трудом сдерживалась.

– Ту энергию, которую я потратила на тебя, – неуверенно сказала она, – я могла бы с пользой потратить на что-нибудь другое. Тогда я бы все сделала как надо. Получила бы место ведущей и нашла бы мешок, набитый деньгами.

– Место ведущей? – недоуменно переспросила Анника.

– Не думай, что я все забыла, – снова заговорила Анна, – я помню, какой заносчивой ты тогда была. После смерти Мишель, когда Хайлендер позвонил тебе и предложил занять ее место. Но эту работу должна была получить я! Кто положил столько лет тяжкого труда на эту чертову компанию?

– Я не понимаю, о чем ты вообще говоришь! – воскликнула Анника, округлив заблестевшие глаза.

– Вот видишь, для тебя это ровным счетом ничего не значит! Чего бы я ни достигла, это всегда было плохо.

Анника заплакала, по щекам неудержимо текли слезы. Она всегда была плаксой.

– Я понимаю, что тебе все это покажется сущим пустяком, но я, наконец, поймала шанс, из которого что-то может выйти. Ты мне завидуешь? Да?

Анника потупила глаза и сгорбилась.

– Я не буду тебя больше беспокоить, – сказала она.

Она взяла детей за руки и стала спускаться по лестнице.

– Вот и хорошо, – язвительно заметила Анна. – Спасибо!

Она вернулась в прихожую, но злость так сильно распирала ее, что она, не удержавшись, снова выглянула на площадку.

– Закажи место в отеле! – крикнула она в спину Аннике. – Ты же, в конце концов, богата как Крез!

Обернувшись, она увидела, что Робин все это время стоял за ее спиной. Он был уже в джинсах, рубашке и завязывал шнурки на одном кроссовке.

– Куда ты собрался? – спросила она, пытаясь стряхнуть гнев и улыбнуться.

– Пойду домой, – ответил он. – Мне сегодня рано на работу.

Анна подавила желание туже стянуть на себе простыню. Вместо этого она попыталась расслабиться, сбросила простыню на пол и простерла руки, чтобы обнять Робина.

Он смутился и, наклонив голову, принялся искать второй кроссовок.

– Но, – оцепенев, произнесла Анна, – ты же говорил, что безработный.

Он пристально посмотрел на ее груди.

– Мне надо быть на репетиции оркестра, – сказал он, и ложь была настолько неуклюжей, что он даже не пытался уверить в ней Анну.

Анна подобрала с пола простыню и снова завернулась в нее.

– Ты мне нравишься, – сказала она.

Он помедлил и сказал, явно испытывая неловкость:

– Ты тоже мне нравишься.

«Только не говори: нет, это ты мне нравишься, а не я тебе».

– Ты мне позвонишь? – спросила она.

Он тяжело сглотнул слюну, потупил глаза, потом легонько поцеловал ее в ухо.

– Непременно, – сказал он и вышел, захлопнув за собой дверь.

Врач в развевающемся белом халате стремительно вошел в кабинет приемного отделения. Нина удивилась его молодости. Он был, видимо, моложе ее. Доктор коротко взглянул на Нину, а потом подошел к каталке, на которой лежала Юлия.

– Мы знаем, что случилось? – спросил он, направив луч маленького фонарика в один глаз Юлии.

Дверь кабинета бесшумно закрылась.

– Она была найдена в своей квартире, – пояснила Нина. – Там было совершено убийство. Ее муж обнаружен застреленным в постели.

– Вы смогли с ней пообщаться? – спросил врач, посветив фонариком в другой глаз.

Нина с трудом подавила желание расстегнуть тяжелый бронежилет.

– Нет. Сначала я подумала, что она мертва.

– Зрачки реагируют на свет нормально, – сказал врач, выключая фонарик. – Мы знаем, как зовут больную?

Он взял в руку компьютерный планшет.

– Юлия, – ответила Нина. – Юлия Мария Линдхольм, тридцати одного года. Урожденная Хансен.

Молодой человек посмотрел на Нину, записал имя и положил планшет на стол. Врач повесил на шею фонендоскоп и обернул плечо Юлии манжеткой тонометра. Нина терпеливо ждала, когда он измерит давление крови.

– Немного повышено, но стабильно, – сказал он.

Он взял в руку ножницы и разрезал на Юлии футболку.

– Где были следы крови, когда вы обнаружили больную?

– Я ничего не заметила, кроме брызг крови на лице, – ответила Нина. – Думаю, что физических травм у нее нет.

– Ни входных, ни выходных отверстий, ни ран, ни порезов?

Нина покачала головой.

– Ее могли ударить тупым предметом, который не оставил на теле видимых следов, – сказал врач, ощупывая живот и грудную клетку Юлии.

На осмотр Юлия не реагировала.

Врач ощупал ее шею.

– Никакой ригидности, зрачки обычного размера, реакция на свет сохранена, сотрясения или ушиба мозга нет, – констатировал врач.

Он приподнял ей ноги и пробормотал:

– Переломов бедер тоже нет.

Потом врач ударил Юлию по руке.

– Юлия, – сказал он, – мне надо проверить уровень твоего сознания. Я хочу посмотреть, реагируешь ли ты на боль. Это не опасно.

Он склонился над больной и надавил ей на грудину. Лицо Юлии исказилось, и она вскрикнула.

– Так, так, – сказал врач и что-то записал в планшете. – Отлично, теперь мы снимем ЭКГ, и я оставлю вас в покое…

Он закрепил электроды на груди Юлии и накрыл ее теплым одеялом.

– Не хочешь с ней посидеть? – спросил врач Нину.

Она кивнула.

– Подержи ее за руку, погладь и поговори с ней.

Нина села на край каталки и взяла в руку влажную и холодную руку подруги.

– Что с ней? – спросила Нина.

«Только не дай ей умереть! Скажи мне, что она не умрет!»

– Она находится в состоянии психологического шока. Иногда у таких больных развивается немота и нечто похожее на паралич. Они перестают есть и пить. Им можно смотреть в глаза, но они никого не замечают. Короче, свет горит, но дома никого нет.

Он посмотрел на Нину, но потом быстро отвел взгляд.

– Это не опасно, – сказал он. – Это пройдет.

«Пройдет? Она снова станет нормальной?»

Нина вгляделась в белое как мел лицо подруги. Кровь на лице высохла и потемнела. Фрагменты их последнего разговора, словно клипы, мелькали в голове Нины.

«Я так больше не могу, Нина. С этим надо что-то делать».

«Просто скажи мне, что произошло?»

Юлия была в полном отчаянии, щеки покрылись красными пятнами. Эти пятна до сих пор проступали из-под засохшей крови. Когда это было? Три недели назад?

Четыре?

– Юлия, – сказала она, – это я, Нина. Ты в больнице. Все будет хорошо.

«Ты сама в это веришь?»

Нина посмотрела на врача, который, сидя в ногах больной, что-то писал в истории болезни.

– Что вы будете делать дальше? – спросила она.

– Я отправлю больную на КТ, – ответил врач, – просто для того, чтобы исключить какое-либо механическое повреждение мозга. Потом мы введем ей успокаивающее средство и отправим в психиатрическое отделение. Если повезет, она отреагирует на психотерапию.

Он встал.

– Ты лично с ней знакома?

Нина кивнула.

– Ей еще долго будет нужна поддержка и помощь, – сказал врач и вышел в коридор.

Дверь тихо чмокнула, закрываясь. В тишине, которая наступила после ухода врача, Нина стала четко различать массу новых звуков: жужжание вентилятора, тихое дыхание Юлии, рит-

мичные сигналы кардиомонитора. В коридоре раздавались шаги, то и дело звонил телефон, где-то плакал ребенок.

Нина осмотрелась. Кабинет был тесный, прохладный, без окон. Под потолком потрескивали люминесцентные светильники.

Нина разжала руку и встала. У Юлии дрогнули веки.

– Юлия, – тихо окликнула подругу Нина. – Юлия, это я. Посмотри на меня…

Та едва заметно вздохнула.

– Слушай меня, – снова заговорила Нина. – Посмотри на меня. Посмотри на меня. Мне надо поговорить с тобой.

Ответа не последовало.

Нина ощутила гнев, противный, как кислая отрыжка.

– Ты просто сдалась, – громко произнесла она. – Как это похоже на тебя – опустить руки и ждать, пока кто-то другой поправит твои дела.

Юлия не шевелилась.

– Ну и что я могу для тебя сделать? – спросила Нина, шагнув к носилкам. – Так я ничем не смогу тебе помочь! Почему ты молчишь? Скажи хоть что-нибудь…

Щелкнула рация, и Нина отошла от носилок.

– 16–17, свяжитесь с 90–70. Конец связи.

Начальство взялось ее разыскивать.

Отвернувшись от Юлии, Нина уперлась взглядом в полку, заваленную бинтами. Она извлекла из кармана микрофон и нажала кнопку передатчика.

– Это 16–17. Я нахожусь с Юлией Линдхольм в больнице в Сёдермальме. Ее только что осмотрел врач, прием.

– Ты не должна там сидеть, – сказал начальник. – Нам нужен твой рапорт. Высылаю Андерссона с машиной. Он останется с Линдхольм, пока я не найду кого-нибудь для ее охраны. Конец связи.

Нина выключила рацию. К горлу подступил комок страха.

«Они собираются ее охранять».

Ну конечно, она же подозреваемая.

«Первая подозреваемая в убийстве полицейского».

Она, не оглянувшись, вышла из кабинета.

www.kvälspressen.se

Молния!
Убит Давид Линдхольм

Обновлено 3 июня в 5 часов 24 минуты.

Комиссар полиции Давид Линдхольм, сорока двух лет, найден убитым в своей квартире в Сёдермальме.

Линдхольм был одним из самых известных и уважаемых детективов Швеции. Известен также как ведущий телевизионной программы «Криминал».

Кроме того, Давид Линдхольм сыграл выдающуюся роль в расследовании громких преступлений последних десятилетий. С его помощью были раскрыты самые жестокие и запутанные преступления в шведской криминальной истории.

Давид Линдхольм родился в состоятельной семье в Юрсхольме, пригороде Стокгольма. Несмотря на открывавшиеся перед ним, благодаря происхождению, блестящие возможности, он избрал карьеру полицейского офицера. После нескольких лет службы в отряде быстрого реагирования в Норрмальме был повышен в звании и должности, став сотрудником сыскной полиции и публичной фигурой.

Шведская публика познакомилась с Давидом Линдхольмом, когда он в качестве старшего полицейского комиссара начал вести программу «Криминал». Но легендой он стал после того, как пять лет назад сумел освободить заложников, захваченных в детском саду в Мальмё.

Какой-то невменяемый мужчина заперся в младшей группе и пригрозил, что перестреляет всех детей. Давид Линдхольм сумел войти в контакт с преступником и через два часа переговоров вывел из детского сада обезоруженного маньяка.

Фотограф «Квельспрессен» Бертиль Странд за этот снимок удостоился премии года в рубрике «Классическая новостная фотография».

Допрашивая американца, приговоренного два года назад к пожизненному заключению, Давид Линдхольм сумел выудить у него информацию об ограблении инкассаторов в Боткирке. В связи с этим делом удалось арестовать пять человек и найти почти все из похищенных тринадцати миллионов крон.

Следите за следующими выпусками.

Андерссон стремительно въехал в больничный двор, резко затормозил, оставив на асфальте черные следы. Нина открыла переднюю дверь, не дожидаясь, когда машина остановится.

– Юлию Линдхольм только что осмотрели, – сказала она. – Ты останешься здесь и будешь ее охранять. Тебя скоро сменят.

Андерссон поставил на землю свои огромные ступни.

– На что жалуется убийца? – растягивая слова, спросил он. – На менструальные боли?

Нине захотелось его ударить.

– Я еду в управление писать рапорт, – сказала Нина, садясь за руль.

– Ты слышала предварительное заключение о причине смерти? – спросил Андерссон. – Сначала она пустила ему пулю в голову, а потом размозжила член и мошонку…

Нина закрыла дверь и выехала на Рингвеген. Наступило утро, движение стало более интенсивным. Она взглянула на часы. Было двадцать пять минут шестого. Смена закончится в шесть, но едва ли она управится раньше семи, а то и восьми часов. Надо написать рапорт, заполнить форму П-21…

«Форму? Как я могу сейчас думать о каких-то формах? Господи, ну что я за человек?»

Она глубоко вздохнула, чтобы подавить рыдание. Руки, лежавшие на руле, задрожали, и ей стоило больших усилий унять эту дрожь. Направо, на Хорнсгатан. Переключить передачу. Теперь немного быстрее.

Потом в голове забилась мысль, которая пряталась где-то в закоулках сознания с тех пор, как она вошла в квартиру. «Надо позвонить Хольгеру и Виоле».

Надо как можно скорее поговорить с родителями Юлии. Единственный вопрос заключался в том, как, каким образом сказать им о том, что случилось. Она не могла упоминать детали – это было тайной следствия, не могла сказать им, что увидела на месте преступления, но речь шла о другом. «Надо соблюсти приличия, поступить нравственно».

Нина практически выросла вместе с Юлией у ее родителей. Они спасли Нину от участи двух ее братьев. Каждое лето она проводила долгие недели в одиночестве на ферме, пока ее

мать работала на птицефабрике в Валле. Во время учебного года она часто приходила в гости к Юлии, и они пили чай за раздвижным столом деревенской кухни. Нина до сих пор помнила вкус бутербродов и супа из бычьих хвостов, помнила едва уловимый запах навоза, вечно исходивший от Хольгера. Потом, когда у матери заканчивалась смена, она садилась в автобус и ехала домой, в Экебю…

Нина мысленно отругала себя за сентиментальность.

«Это было совсем не тяжело. Мне просто повезло, что у меня была Юлия».

Какие-то пьяные подростки в школьных корпоративных шапочках, пошатываясь, шли по мостовой слева от машины. Нина внимательно к ним присмотрелась. Они шли взявшись за руки – трое парней и одна девушка.

Девушка едва держалась на ногах, и парни почти тащили ее на себе.

«Берегись, малышка, как бы они тобой не воспользовались…»

Один из парней, встретившись с Ниной взглядом, вскинул вверх средний палец и начал делать непристойные движения. Нина на три секунды включила мигалку и сирену. Эффект был молниеносным. Молодняк ударился в паническое бегство. Девушка не отставала.

Видно, не так уж она была и пьяна.

Нина резко остановила машину, подъехав к отделу, и выключила двигатель. Наступившая тишина оглушила ее. Несколько минут она посидела в машине, наслаждаясь безмолвием.

Потом вздохнула, взяла оставленный на сиденье Андерссоном пустой пакет из-под гамбургера, пустую банку из-под кока-колы и бросила все это в корзину для бумажного мусора. В конце концов, есть границы у ее ответственности перед человечеством!

Петтерссон, начальник отдела, говорил по телефону, жестом он указал Нине на стул напротив себя.

– В пять? – сказал он в трубку. – Не поздновато? Многие наши сотрудники… Да, да, это верно. Да, ты прав. Хорошо, в семнадцать часов.

Он положил трубку и горестно покачал головой.

– Какая ужасная история, – сказал он, потерев лысину. – Что происходит с нашим обществом?

Он говорит, как комиссар Валландер, подумалось Нине.

– Будет минута молчания в память о Давиде Линдхольме, – сказал Петтерссон. – В пять часов заступает вечерняя смена, а дневная еще не успеет уйти. Значит, большинство сотрудников смогут принять участие. К нам присоединятся все полицейские управления страны. В конце концов, Линдхольма все знали и уважали. За то время, что он читал лекции в полицейской академии, у него появилось множество друзей, как среди молодых, так и среди старых сотрудников…

– Только не говорите об этом на пресс-конференции, – сказала Нина.

Петтерссон потерял нить и посмотрел на Нину с раздражением.

– Естественно, мы проинформируем прессу. Наверняка будет трансляция церемонии по радио.

– Допустим, вы планируете ограбить местную галантерейную лавку и вдруг – о подарок небес – узнаете, что вся полиция Швеции будет парализована с пяти часов до пяти часов одной минуты. Да к тому же как ты представляешь себе трансляцию минуты молчания? Не будет ли это… несколько уныло?

Начальник рассеянно посмотрел на Нину, потом с такой силой откинулся на спинку стула, что тот жалобно заскрипел.

– Ладно, давай приступим к делу.

Нина достала из кармана записную книжку. Монотонным голосом она перечислила все факты: вызов в три часа двадцать одну минуту в связи с выстрелами на Бондегатан. Спецназ и отряд быстрого реагирования находились в Юрсхольме, поэтому операцию поручили экипажу

патрульной машины 16–17. Командование было поручено Нине Хофман. Звонивший, Гуннар Эрландссон, жилец дома, сообщил, что был разбужен донесшимися из квартиры наверху звуками, похожими на выстрелы. Так как дверь квартиры не открыли по требованию сотрудников полиции, команды 16–17 и 19–80 взломали дверь согласно параграфу 21 закона о полиции, так как промедление могло привести к ухудшению ситуации. В квартире были обнаружены два человека, Давид Линдхольм и Юлия Линдхольм. Давид Линдхольм лежал на кровати с двумя огнестрельными ранами – в голову и туловище. Юлия Линдхольм была найдена в ванной в состоянии тяжелого психологического шока. Она была доставлена для лечения в больницу Сёдермальма.

Нина закончила чтение и подняла голову.

Петтерсон еще раз покачал головой.

– Какая ужасная история, – повторил он. – Кто бы мог подумать, что его ждет такой конец…

– Есть еще одно обстоятельство, – сказала Нина, опустив глаза. – Перед тем как отключиться, Юлия сказала одну странную вещь.

– Какую?

– Она сказала о своем сыне Александре. Юлия сказала: «Она его взяла. Другая женщина взяла Александра».

Петтерссон удивленно вскинул брови.

– Другая женщина? Что она имела в виду? В квартире был кто-то еще?

Нина почувствовала, что попала в глупое положение.

– Нет, – ответила она.

– В квартире были следы взлома, борьбы?

Нина на секунду задумалась.

– На первый взгляд никаких следов не было, но судмедэксперты…

– Дверь была заперта?

– Она закрывается автоматически, если ее не держать.

Начальник отдела тяжело вздохнул.

– Вот черт, бедняга Давид. Похоже, что она еще более ненормальная, чем можно было себе представить.

– Но Александр тем не менее и в самом деле пропал, – возразила Нина.

– Кто это?

– Сын Юлии и Давида. В квартире мальчика не было. Его комната пуста.

Начальник сунул в рот порцию жевательного табака.

– И где же он?

– Я не знаю.

– Кто-нибудь заявлял о его исчезновении?

Нина покачала головой.

– Нам известно, что с ним что-то случилось?

– Нет, – ответила Нина. – Но… мы обыскали квартиру и не нашли мальчика.

Шеф откинулся на спинку стула.

– Значит, так, – сказал он. – Информация о другой женщине и мальчике должна присутствовать в рапорте. Но постарайся выражаться осторожнее.

Нина почувствовала, что у нее вспыхнуло лицо.

– Что ты хочешь этим сказать?

Петтерссон несколько секунд испытующе смотрел на Нину, потом встал и не спеша потянулся.

– Этой ночью ты не должна была выходить на службу, не так ли? – спросил он. – Ты должна была отдыхать.

– Я вышла на дополнительное дежурство, – пояснила Нина. – По графику я заступаю сегодня в шестнадцать часов.

Шеф снова вздохнул.

– Уже начались звонки из газет, – сказал он. – Не разговаривай с ними. Все комментарии они получат от офицера по связям с общественностью. Никаких утечек той даме из «Квельспрессен».

Нина встала и направилась по коридору мимо комнаты дежурных в небольшой кабинет, где стояли стол и компьютер.

Она села за стол, включила компьютер и, войдя в базу данных о происшествиях, принялась заполнять нужные пункты, записывая в клеточки важную информацию: время вызова, имена заинтересованных лиц, адрес места преступления, пострадавшие, умершие, подозреваемые…

«Подозреваемые?»

Она будет фигурировать в деле как автор этого рапорта. Ее имя будет навсегда связано с делом об убийстве Давида Линдхольма. Может быть, это дело будет использоваться в течение пятидесяти лет как учебное пособие в полицейской академии, и каждый раз будут называть ее имя. Она составила первый протокол, она выявила предварительные детали, ей надо сформулировать суть дела.

«Подозреваемая: Юлия Линдхольм».

Нина отодвинула в сторону клавиатуру и вышла в коридор. Сделав несколько бесцельных шагов направо, остановилась и пошла налево.

Надо что-нибудь съесть, подумала она. Купить бутерброд в автомате? От одной этой мысли ее затошнило. Она подошла к автомату с кондитерскими изделиями. Осталась засахаренная клюква. Нина купила последний пакет, потом вернулась к кабинету шефа и постучала в дверь.

Петтерссон оторвал взгляд от компьютерного экрана и удивленно посмотрел на нее.

– Прости, – сказала она, – но кого я должна назвать пострадавшей стороной? Убитую жертву преступления или членов его семьи?

– Убитую жертву, – ответил Петтерссон и снова уставился в компьютер.

– Даже несмотря на то, что он мертв?

– Даже несмотря на то, что он мертв.

Нина не уходила.

– Я хочу спросить еще одну вещь. Александр…

Петтерссон вздохнул.

– Он должен был находиться в квартире, – торопливо произнесла Нина. – Думаю, мы должны…

Шеф раздраженно вздохнул и еще ближе наклонился к экрану.

– Если мама застрелила папу, то это даже хорошо, что ребенка не было дома, – сказал он, и Нина поняла, что разговор окончен.

Она повернулась, чтобы уйти.

– Послушай, Хофман, – остановил ее шеф.

Нина застыла на месте и оглянулась.

– Тебе нужна инструкция о неразглашении? – спросил он, и по его тону было понятно, что неразглашение было бы самой неуместной вещью в таком трагическом случае.

– Нет, спасибо, – не задумываясь, ответила Нина.

Она вернулась в кабинетик, достала из сумки купленную клюкву и положила в рот одну ягоду. Она и правда оказалась кислой.

Вместо того чтобы заполнить клеточку со словом «Подозреваемый», она выбрала другую форму, к которой можно было применить параграф 21 закона о полиции. Туда не надо было вставлять имя Юлии.

В конце концов она заполнила все формы и бланки, вписав туда и данные беседы с Эрландссоном.

Покончив с этим делом, Нина тупо уставилась в экран.

Потом она щелкнула по клетке «Подозреваемый» и вписала туда имя: Юлия Линдхольм.

Нина вышла из программы и поспешно покинула комнату, чтобы избавиться от навязчивых мыслей.

– Мама, я хочу есть. Здесь есть арахисовое масло?

Анника открыла глаза и уперлась взглядом в белую занавеску, сразу не поняв, где находится. Голова была тяжелая, как камень, а грудь болела, словно от разверстой черной раны.

– А молочный шоколад и джем? Здесь есть шоколад?

«Отель. Портье. Номер. Вот она – реальность».

Она повернулась в постели на бок и посмотрела на детей. Они сидели рядышком, в своих пижамах, с ясными глазками и с всклокоченными волосами.

– Наше арахисовое масло сгорело? – спросил Калле.

– И Поппи, – подхватила Эллен, и у нее предательски задрожали губки. – Поппи, и Лео, и Русс – все они тоже сгорели…

«О господи, что я могу сказать? Что мне ответить?»

Анника, села на кровати, отбросив влажную от пота простыню, ни слова не говоря, притянула к себе детей, крепко обняла и принялась нежно покачивать, чувствуя, как все сильнее болит в груди.

– Может быть, мы найдем здесь шоколад, – сказала она хрипло, – и джем. Вот насчет арахисового масла я не уверена.

– Мой новый велосипед, – вдруг вспомнил Калле. – Он тоже сгорел?

«Компьютер. Все письма, которые в нем хранились. Моя телефонная книга и дневник. Наши свадебные подарки. Детская коляска. Первые туфельки Калле».

Она погладила сына по волосам.

– У нас есть страховка, мы получим ее и купим велосипед.

– И Поппи? – с надеждой в голосе спросила Эллен.

– Да, и построим новый дом, – пообещала Анника.

– Я не хочу жить в том доме, – сказал Калле. – Я хочу вернуться в наш старый дом и пойти в свой детский сад.

Анника прикрыла глаза, чувствуя, как рушится мир вокруг нее.

Их семья до пожара прожила в доме на Винтервиксвеген в Юрсхольме всего месяц. Старую квартиру в Кунгсхольме они продали паре геев, которые уже переехали туда и постоянно ругались на кухне.

– Идемте завтракать, – сказала она с трудом, свесив ноги с кровати. – Да, нам надо одеться.

Эллен вытерла слезы и укоризненно посмотрела на мать.

– Но, мама, – сказала она, – вся наша одежда тоже сгорела.

После того как Анна выставила ее за порог, Анника вместе с детьми спустилась на улицу, но такси уже уехало. Она не могла вызвать другую машину, да и другого залога у нее не было, поэтому не осталось иного выбора, как взять детей за руки и идти пешком. Она смутно помнила, что где-то поблизости должен быть отель, но нашли они его только через сорок пять минут. Анника едва держалась на ногах, когда они подошли к конторке портье. Девушка-пор-

тье явно испугалась, когда Анника рассказала, как они попали сюда. Им дали номер на втором этаже.

Дверь номера закрылась за ними. Анника сжала влажными холодными ладонями руки детей, и они пошли к лифту.

Убранство ресторана было нарочито минималистичным, на улицу выходила стеклянная стена, на стенах были развешаны книжные полки, отделка была из хромированной стали, а мебель сработана из вишневого дерева.

Буфет был пуст, в зале почти никого. Все бизнесмены разошлись по своим важным встречам, оставив в ресторане лишь супружескую пару средних лет и трех японских туристов, изумленно смотревших на разорванные джинсы и закопченную блузку Анники, шелковую пижаму Калле с Бэтменом и на пижамку Эллен с бабочками.

«Простите, если мы портим вам аппетит нечищеными зубами и босыми ногами».

Стиснув зубы, Анника налила себе чайную чашку кофе, взяла йогурт и три ломтика хлеба с отрубями. Йогурт – это было единственное, что она еще могла впихнуть в себя, но она взяла также и лососину, так как та была включена в цену – две тысячи сто двадцать пять крон за номер, больше похожий на кабину среднего лифта.

«Сама я не справлюсь. Мне нужна помощь».

– Это невозможно, – сказала Берит Хамрин. – Ты говоришь абсолютно спокойно.

– Альтернатива – лечь и умереть, но тогда мне стоило просто остаться дома, – сказала Анника, убедившись, что заперла дверь туалета.

Анника нашла мультипликационный канал и усадила детей в кровать перед висевшим под потолком телевизором, дав им вместо сладостей хрустящие хлопья. Потом она ушла в ванную, где стоял второй телефонный аппарат, и позвонила в редакцию.

– И ты ничего не успела вынести из дома? Я читала о пожаре в новостных выпусках, но не подумала, что сгорел твой дом. Вот черт!

Анника села на унитаз и подперла рукой голову.

– По сообщениям агентств, дом сгорел дотла, – сказала Берит. – Никто из газеты не звонил спросить, что случилось?

– Не знаю, – ответила Анника. – Я оставила мобильный телефон в залог таксисту, и он с ним уехал, не дождавшись меня. Но не думаю, что кто-нибудь звонил. В конце концов, на пожаре никто не погиб.

Берит молчала. Холод фарфорового сиденья проник Аннике до самой шеи.

– Что тебе нужно в первую очередь? – заговорила наконец коллега.

– У детей остались одни пижамы, а у меня с собой нет денег…

– Какой у них размер? – спросила Берит, щелкнув шариковой ручкой.

– Сто десять и сто двадцать восемь.

– А обуви?

У Анники сжалось сердце, ей стало трудно дышать.

«Только не плакать. Не сейчас».

– У Эллен двадцать шестой размер, у Калле – тридцать первый.

– Сиди в номере, я буду примерно через час.

Анника осталась сидеть на унитазе, глядя на вешалку для полотенца, чувствуя, что дыра в груди стала разрываться от пульсирующей боли. Сплошная безнадега, жалость к себе и полная беспомощность. На глаза навертывались злые слезы – почему судьба вдруг отняла у нее все и сразу? Но она не поддастся слезам, от слез она окажется в тумане, а в тумане можно заблудиться и потерять путь.

«Твоя жизнь кончена, – нашептывал туман, но Анника знала, что это неправда, потому что сидела здесь и слышала, как Скуби-Ду жалуется из комнаты, что боится призраков. – У тебя ничего не осталось!»

– Нет, у меня осталось очень многое, – вслух возразила Анника.

Дом очень важен, это место, которому ты принадлежишь, но дом – это не обязательно четыре стены – это могут быть люди, планы, притязания.

«У тебя нет ничего значимого».

Правда ли это?

Сегодня у нее было ненамного меньше, чем вчера.

У детей нет одежды, в пламени сгорел ее компьютер, но все остальное осталось на месте.

«За исключением Томаса. И Анны».

Она встала и посмотрела на себя в зеркало.

«Остались только дети. Я и дети. Все остальное у меня отнято».

Она пропала.

«Может ли быть еще хуже?»

Главный редактор «Квельспрессен» Андерс Шюман отказался от своего шикарного углового кабинета во имя уменьшения расходов и занял каморку позади отдела комментариев. С каждым днем Шюман все больше жалел о сделанной им глупости. Единственное преимущество реорганизации состояло в том, что теперь он находился непосредственно в редакции и мог из своего кабинета наблюдать за работой.

Было только одиннадцать часов утра, но работа кипела с размахом, немыслимым всего несколько лет назад. Сайт газеты в течение суток обновлялся ежечасно, за исключением затишья около четырех утра. Теперь газета не только текст. Редакция вела радиопередачи, показывала видеорепортажи и транслировала рекламу. Процесс подготовки материалов пришлось уплотнить, и теперь работа в газете кипела весь день, и это было новостью для «Квельспрессен». Традиционно выпуски вечерних газет делали по ночам пропитанные алкоголем закаленные и битые ночные редакторы с мозолями на покрытых налетом никотина пальцах. Сегодня этот дух выветрился из газеты почти без остатка. Редакторы новой эры перестали пить и начали чистить ботинки; в противном случае их увольняли под предлогом несоответствия или с почетом отправляли на досрочную пенсию.

Андерс Шюман тяжело вздохнул.

В течение всех последних лет его не покидало чувство, будто что-то очень важное ускользает у него из рук. Со временем это чувство только усиливалось. Но лишь недавно он понял, в чем суть: речь шла о том, что и зачем они делают, о самих основах журналистики.

Сегодня ежечасное обновление сайта настолько владело умами, что иногда сотрудники забывали, что, кроме обновления, надо еще и сказать что-то содержательное.

Он вспомнил упреки, которыми конкуренты в прежние времена, когда у газеты были самые большие тиражи среди шведских таблоидов, осыпали «Квельспрессен»: самая тиражная, но не самая первая; материала много, но не первой свежести.

Теперь все делалось намного быстрее, но за счет правды и анализа.

Нет, на самом деле все не так плохо, заставил себя подумать Шюман.

Газета осталась неплохим изданием. Анника Бенгтзон изнутри осветила историю Нобелевского убийцы, Берит Хамрин писала проницательные статьи о терроризме, а Патрик Нильссон взял интервью у звезды, в котором та рассказывала, как борется со своим обжорством.

Но беда была в том, что все эти темы уже давно устарели. Газета не успевала попадать в киоски, как сенсации становились вчерашними новостями. Вот и сегодня новостью стало убийство Давида Линдхольма, и в этом преступлении подозревают его жену.

Интернет разрывался от похвал в адрес убитого комиссара полиции.

Талант Линдхольма заключался в знании человеческой природы и в его непревзойденном умении общаться с людьми. Он был мастер беседы, он был самым верным на свете другом и обладал поразительной интуицией.

Что со всем этим делать? – подумал Андерс Шюман, чувствуя, как медленно ворочаются мысли в его мозгу, отвыкшем заниматься этическими проблемами. В его инстинктах, которые должны быть направлены на соблюдение таких принципов журналистики, как оценка новостей, проверка источников и решение о том, стоит ли раскрывать настоящие имена, осталось место только для финансового анализа и объемов продаж.

Он выглянул из кабинета.

Первым долгом следует оценить ситуацию, подумал он, встал и решительно направился в редакцию.

– Что мы будем делать с этим убитым комиссаром? – спросил он Спикена, шефа новостного отдела.

Спикен сидел положив ноги на стол и жевал апельсин.

– Оставим для него первую полосу, колонку новостей, седьмую, восьмую полосу и центральный разворот, – ответил тот, не подняв головы.

– Как поступим с новостью о том, что главная подозреваемая – его жена? – спросил Шюман, присаживаясь на краешек стола, демонстративно подвинувшись ближе к ботинкам шефа отдела.

Спикен понял намек и сбросил ноги со стола.

– Ты имеешь в виду, каким кеглем наберем этот заголовок? – спросил он и выбросил апельсиновую кожуру в мусорную корзину.

– Если мы назовем Давида Линдхольма жертвой убийства и тут же скажем, что в убийстве подозревают его жену, то тем самым назовем ее убийцей, – заметил главный редактор.

– И что? – Спикен удивленно воззрился на шефа.

– Но ее пока даже не допрашивали, – пояснил Шюман.

– Это вопрос времени, – парировал Спикен и снова уставился в экран компьютера. – Кроме того, все уже успели это произнести вслух. Наши конкуренты и даже уважаемые утренние газеты назвали участников преступления по именам.

«Ладно, – подумал Шюман, – этическую инициативу я проявил».

– Где ты достаешь апельсины в это время года? – спросил он.

– Они немного жестковаты, но я и сам такой же, – пошутил Спикен.

К его столу подошла Берит Хамрин – с сумкой на плече и плащом, перекинутым через руку.

– Ты написала отличную статью для сегодняшнего номера, – сказал Шюман, стараясь подбодрить Берит. – Какие-нибудь отклики уже есть?

Берит остановилась перед главным редактором и кивнула в сторону монитора Спикена.

– Я хочу сказать о Юлии Линдхольм. Мы приняли решение назвать ее в Интернете убийцей?

– Под «мы» Берит имеет в виду всех журналистов Швеции, – язвительно произнес Спикен.

– Насколько я понимаю, только еще одна вечерняя газета и одна из утренних выдали сюжеты о том, что подозреваемая – его жена, – заметил Шюман.

– Нам не надо называть имя его жены, – вставил Спикен.

Берит подошла еще ближе к Шюману.

– Сам факт, что мы публикуем имя Давида Линдхольма, описывая, как он был убит в своей постели, а потом пишем, что подозреваемая – его жена, означает, что нам и не надо называть ее по имени. Всякий, кто знает Юлию, сразу поймет, кого мы имеем в виду.

– Но мы должны освещать сенсационные убийства, – возмущенно произнес Спикен.

– Я бы не стала называть то, что мы сейчас публикуем на нашем сайте, освещением, – сказала Берит Хамрин. – Нормальные люди называют это сплетнями. До тех пор, пока в полиции не подтвердили подозрение, все наши публикации – не более чем слухи.

Андерс Шюман заметил, что сидящие за соседними столами сотрудники поднимают головы и начинают прислушиваться. Хорошо это или плохо? Является ли публичное обсуждение этических проблем признаком здорового климата, или это признак слабости главного редактора?

Шюман решил, что верно скорее последнее.

– Давайте продолжим этот разговор у меня в кабинете, – сказал он, жестом приглашая коллег в свою каморку.

Берит Хамрин принялась надевать плащ.

– Мне надо встретиться с моим источником, – сказала она.

Берит повернулась и пошла к лестнице, ведущей в редакционный гараж.

Шюман вдруг понял, что продолжает указывать рукой в сторону кабинета.

– Значит, вопрос о жене Линдхольма ясен, – сказал Шюман, тяжело уронив руку на колено. – Кто принял это решение?

Спикен напустил на себя вид оскорбленной невинности:

– Откуда я знаю?

Да, да, он прав. Печатной газетой и онлайновым изданием руководят разные люди.

Андерс Шюман встал, повернулся на каблуках и направился в свой кабинет.

Прежняя мысль не давала покоя, укоряя его «эго». «Действительно, что я здесь делаю?»

* * *

Берит принесла восемь туго набитых пакетов.

– Я старалась не обращать внимания, для кого предназначены вещи – для мальчиков или для девочек, – сказала она, протискиваясь в крошечную комнатку гостиничного номера. – Привет, Калле, здравствуй, Эллен…

Дети мельком посмотрели на Берит и снова принялись смотреть на экран. Анника выключила телевизор.

– Смотри, Калле, – сказала она, – какие потрясающие джинсы!

– А вот эти для Эллен, – сказала Берит, садясь на прикроватный столик и расстегивая плащ. – В этом пакете белье, а здесь разные принадлежности – мыло, зубные щетки и прочее…

Дети одевались молча, с серьезным видом. Анника помогла Эллен почистить зубы и одновременно посмотрела на себя в зеркало. Зрачки были такими широкими, что занимали почти всю радужку. Казалось, в глазах отразилась зиявшая в груди рана.

– Сколько я тебе должна? – спросила она Берит.

Коллега встала, сунула руку в сумку, достала оттуда конверт и вручила Аннике.

– Я проходила мимо банкомата и сняла немного денег. Вернешь потом, когда сможешь.

В конверте было десять тысяч крон пятисотенными купюрами.

– Спасибо, – тихо сказала Анника.

Берит оглядела тесную комнатку.

– Может, прогуляемся?

Дети надели обновки. Они молча вышли из отеля и, перейдя улицу, отправились в Хумлегорден.

Небо было затянуто тяжелыми свинцовыми тучами, дул порывистый холодный ветер. Анника плотнее запахнула новый кардиган.

– Как я смогу тебя отблагодарить?

– Я обращусь к тебе, когда у меня сгорит дом, – ответила Берит, поднимая воротник плаща. – Для начала позвони в страховую компанию. Она оплатит твое проживание в гостинице, пока будут восстанавливать дом.

Они вошли в парк. Дети никак не могли освоиться в своих новых кроссовках. У Калле были зеленые, а у Эллен – синие.

Анника заставила себя улыбнуться.

– Бегите играть, – сказала она, – а мы с Берит подождем вас здесь.

Дети, неуверенно оглядываясь, пошли к игровой площадке.

– Где Томас? – негромко спросила Берит.

Анника тяжело сглотнула.

– Не знаю. Мы… мы поссорились. Его не было дома, когда все это случилось. Я не знаю, где он. Его сотовый телефон выключен.

– Так он не знает, что случилось?

Анника покачала головой.

– Тебе надо связаться с ним.

– Я знаю.

Берит задумчиво посмотрела на Аннику:

– Ты ничего не хочешь мне сказать?

Анника села на скамейку и еще плотнее запахнула кардиган.

– Нет, не сейчас, – покачала она головой.

Берит села рядом с ней и принялась смотреть на детей, которые нерешительно осваивали игровую площадку.

– Они быстро оправятся, – сказала Берит, – а тебе надо собраться.

– Я знаю.

Некоторое время они посидели молча, глядя, как дети играют на горке. Эллен смеялась, запрокинув голову.

– Кстати, ты слышала, кого сегодня утром застрелили? – спросила Берит. – Давида Линдхольма, комиссара полиции.

– Того, который выступал по телевизору? – спросила Анника и помахала рукой Эллен. – Его жена – Юлия Линдхольм?

– Ты с ними знакома? – удивленно спросила Берит.

– Однажды ночью я ездила в патрульной машине с Юлией. Помнишь мою серию статей о женщинах, чья работа связана с опасностью?

Берит покачала головой и достала из сумки пакетик с воздушной кукурузой.

– Ты разрешаешь им есть сладости? – спросила она Аннику. – Калле, Эллен!

Она помахала в воздухе пакетом, и дети подбежали к скамейке.

– Сколько мы можем взять? – спросила Эллен.

– Что спрашиваешь, ты же все равно не умеешь считать, – презрительно произнес Калле.

Они взяли по горсти сладких пузырьков – Эллен розовые, Калле – зеленые.

– Я писала о коллеге Юлии, – сказала Анника, провожая взглядом детей. – Ее звали Нина Хофман. Той ночью мы столкнулись с тройным убийством в Сёдермальме. Помнишь тот случай?

Берит взяла пригоршню конфеток и протянула пакет Аннике, но та жестом отказалась от угощения.

– Убийство топором? Отрубленные руки и все такое?

Анника судорожно сглотнула.

– Как же, конечно, помню, – сказала Берит. – Мы с Шёландером потом освещали судебный процесс.

Анника вздрогнула и положила ногу на ногу.

Той весной она была беременна Эллен, и уже на приличном сроке. В «Квельспрессен» с беременными корреспондентками обходились как с больными старческим слабоумием. С ними обходились очень дружелюбно, покровительственно и абсолютно ничего от них не требовали. Анника все же ухитрилась добыть непыльную работенку – написать серию репортажей о женщинах, выполняющих работу, которая считается опасной даже для мужчин. Ночью девятого марта, пять лет назад она села в патрульную машину с двумя женщинами-полицейскими. Им предстояло патрулировать Сёдермальм. Стояла тихая холодная ночь, и у Анники была масса времени для того, чтобы поговорить с обеими. Они были близкими подругами с раннего детства, вместе учились в полицейской академии, а потом служили в одном отделении полиции. Одна из них, Юлия, сказала, что она тоже беременна. На работе никто об этом не знал. Она была на четырнадцатой неделе, и ее все время тошнило.

Незадолго до полуночи они получили сообщение о каком-то безобразии в квартире на Санкт-Паульсгатан, у перекрестка с Ётгатан. Это был обычный вызов. Соседи позвонили в полицию, услышав шум ссоры из квартиры внизу. Анника попросила разрешить ей поехать на вызов, и полицейские разрешили, если Анника будет держаться сзади.

Они поднялись по лестнице и увидели искалеченную женщину. Она была еще жива и ползла по лестнице, когда прибыл полицейский патруль. Правой руки у женщины не было, из обрубка хлестала кровь, поливая стены при каждом движении несчастной. Юлия отпрыгнула в нишу окна, а Нина быстро и умело выпроводила Аннику на улицу.

– Я, собственно, ничего не видела, но до сих пор помню этот тяжелый, сладковатый запах, – призналась Анника.

– В квартире находились обезображенные тела еще двух человек, – сказала Берит.

Анника передумала и взяла сладости.

– С тем делом разобрались очень быстро.

– Филипп Андерссон, эксперт по финансовым вопросам, – кивнула Берит. – Он отпирался, но был изобличен и приговорен к пожизненному заключению. Сидит в тюрьме Кюмла.

Берит доела сладости и выбросила в урну пустой пакет.

– Да, если собираешься ссориться с друзьями, то не надо быть наркодилером, – сказала Анника.

– Да, но мы же не говорим о крохах, – возразила Берит. – Там были серьезные финансовые операции. Большие деньги циркулировали между Испанией, Гибралтаром и Каймановыми островами.

– Это же сумасшествие – оставить кучу отпечатков пальцев в квартире, где ты только что порубил трех человек, – задумчиво произнесла Анника.

– Знаешь, как выясняется, преступники – не самая интеллектуальная часть населения. – Берит встала, чтобы помочь подняться Эллен, которая упала и теперь потирала ушибленную руку.

Анника не могла сдвинуться с места. Все тело словно налилось свинцом. Она перестала чувствовать холод. Ветер трепал волосы, но у Анники не было сил даже на то, чтобы отбросить их с лица.

– Уходя из редакции, я слышала, что в убийстве Давида Линдхольма подозревают Юлию, – сказала Берит, снова усаживаясь на скамейку.

– В самом деле? Она показалась мне такой робкой…

– Похоже, что их сын пропал.

– А, так, значит, она тогда родила мальчика…

Некоторое время они сидели молча, наблюдая за детьми, которые обнаружили что-то интересное под дубом в дальнем краю площадки.

– Послушай, – сказала Берит, – тебе есть где остановиться?

Анника не ответила.

– У твоей мамы? – предположила Берит. – Или у родителей Томаса?

Анника молча пожала плечами.

– Не хочешь поехать со мной в Рослаген? Торд уехал на выходные в Дальсланд, на рыбалку со своим братом. Ты можешь пожить в домике для гостей, если хочешь.

– Ты серьезно?

Пару лет назад Берит и ее муж Торд продали дом в Тебю и переехали в какой-то хлев между Римбо и Эдсбро. Анника два раза была у них в гостях. Летом это было совершенно идиллическое место – озеро, пасущиеся в загоне лошади…

– Конечно. Тем более что дом все равно пустует.

– Это было бы здорово, – оживилась Анника.

– Мне надо вернуться в редакцию, закончить статью о террористах, но к восьми я точно освобожусь. Постараюсь выручить твой мобильный телефон, а потом заберу тебя из отеля. Идет?

Анника кивнула.

Нина нерешительно остановилась в дверях.

Небольшая комната была набита полицейскими в форме. Они стояли маленькими группками спиной к ней, склонившись друг к другу. Низкий и приглушенный гул голосов напоминал жужжание кондиционера.

Вот как выглядит скорбь, подумала Нина, не совсем понимая, откуда явилась эта мысль.

Было пятнадцать минут второго, ее смена начнется в шестнадцать часов, но она не могла и не хотела спать. Она было уснула, но ей стали сниться такие странные и запутанные сны, что она предпочла встать.

Она обошла стоявшего в дверном проеме Петтерссона и прошла к кофейному автомату. Протискиваясь мимо собравшихся, то и дело бормоча извинения, Нина перешагивала через шлемы, сапоги и бронежилеты.

Чем дальше она шла, тем тише становилось в помещении.

Когда она добралась до автомата, в комнате повисла полная тишина. Нина подняла голову и оглядела коллег.

Все смотрели на нее. Лица людей были замкнуты и неприветливы. У Нины возникло такое чувство, что они готовы отпрянуть от нее.

– Вы что-то хотите у меня спросить? – сказала она.

Никто не ответил.

Она не стала наливать себе кофе, повернулась к коллегам, расставила ноги и сцепила руки за спиной, глядя им прямо в глаза.

– Вы хотите знать то, что не указано в рапорте?

Было видно, что людям стало неловко. Стоявшие ближе всех к Нине отвели взгляд.

– Как получилось, что ты первой оказалась на месте преступления? – крикнул кто-то из задних рядов.

Снова наступила мертвая тишина.

Нина вытянула шею, стараясь увидеть человека, задавшего вопрос.

– Почему я первой оказалась на месте преступления? – громко и отчетливо переспросила она. – А почему, собственно, это кого-то интересует?

Вперед выступил Кристер Бюре, один из бывших коллег Давида, служивший с ним еще в Норрмальме. Лицо Кристера потемнело от усталости и горя. Он ссутулился. Было видно, что ему тяжело двигаться.

– Я думаю, что это чертовски странно, – сказал он, остановившись в полуметре от Нины. – Это чертовски странно, что ты первой вламываешься в квартиру, где застрелили Давида. Мне

очень странно, что именно ты увезла из дома его сумасшедшую жену и спрятала ее в больнице. Как это получилось и как ты это объяснишь?

Нина посмотрела на Бюре и подавила желание отпрянуть. Да, собственно, отступать ей было некуда, за спиной стоял кофейный автомат. Кристер смотрел на Нину с такой нескрываемой враждебностью, с таким презрением, что ей пришлось перевести дыхание, прежде чем заговорить.

– Ответ очень прост, – пожала она плечами. – Мы с Андерссоном сидели в машине 16–17, и оказались ближе всех к месту преступления. Ты хочешь знать что-то еще?

Кристер Бюре сделал еще шаг вперед и сжал кулаки. Было такое впечатление, что и другие сейчас последуют его примеру.

– Его ненормальная жена, – зло бросил Кристер. – Почему ты ее спрятала?

«Значит, я должна вытерпеть еще и это?»

– Юлия Линдхольм – главная подозреваемая в убийстве Давида, – заговорила Нина, чувствуя, как предательски дрожит ее голос. – Думаю, следствие установит мотивы убийства, не важно, кто его совершил – Юлия или кто-то другой…

– Несомненно, это она, мать ее, – выругался Кристер Бюре. Лицо его побагровело. – Какого черта ты прикидываешься?

Несколько капель слюны попали Нине на щеки. Она отвернулась и, давясь слезами, пошла к двери. Она не хотела, чтобы он видел ее сломленной и униженной на глазах у всего отдела.

– Начинается пресс-конференция! – крикнул кто-то, перекрывая внезапно поднявшийся шум.

На телевизионном экране мелькнула заставка Шведского телевидения. В комнате наступила тишина, все лица повернулись к телевизору. Нина остановилась и тоже вперила взгляд в экран, на котором какой-то человек в гавайской рубашке усаживался за стол в президиуме зала главного полицейского управления в Кунгсхольме. Рядом с ним сели двое мужчин и одна женщина. Нина узнала офицера по связям с общественностью и главу Национального управления криминальной полиции. Женщину она раньше не видела. В зале засверкали вспышки фотоаппаратов. Пресс-атташе что-то сказал в микрофон.

– Сделайте громче! – крикнул кто-то.

«…в убийстве инспектора уголовного розыска Давида Линдхольма, – сказал офицер. – Я предоставляю слово руководителю предварительного расследования, прокурору Ангеле Нильссон».

Женщина потянулась к микрофону. У прокурора, одетой в ярко-красное платье, были коротко остриженные светлые волосы.

«Сегодня я потребовала заключить под стражу одного человека, – сказала она, – в связи с серьезным подозрением в причастности к убийству Давида Линдхольма».

Женщина говорила бесстрастным, сухим тоном с явным аристократическим выговором.

«Серьезное подозрение – это высшая степень подозрения».

«Официальное требование об аресте этого человека будет подано в городской суд Стокгольма не позднее воскресенья, – сказала прокурор, не меняя тона. – Хочу подчеркнуть, что я, как руководитель предварительного расследования, не исключаю и другие версии преступления, несмотря на успехи, достигнутые на самой ранней стадии расследования».

Прокурор откинулась на спинку стула, давая понять, что закончила выступление.

«Хорошо, – сказал пресс-атташе, откашлявшись. – Теперь я предоставляю слово комиссару уголовного розыска, ведущему это дело от лица Национального управления криминальной полиции».

Рослый полицейский в фуражке встал перед Ниной и заслонил экран. Ей пришлось ступить в сторону, чтобы видеть телевизор.

«Сегодня рано утром Давид Линдхольм был обнаружен застреленным в собственном доме, – заговорил человек в пестрой рубашке. – На месте преступления был найден один живой человек, которого немедленно доставили в больницу, а сегодня взяли под стражу в связи с серьезными подозрениями. В нашем распоряжении имеются данные судебно-медицинской экспертизы, но… во всем этом деле есть один жирный знак вопроса».

За спинами сидящих в президиуме людей появилась фотография маленького ребенка.

«Это Александр Линдхольм, – сказал полицейский в пестрой рубашке, – четырехлетний сын Давида Линдхольма. Сегодня утром Александр Линдхольм пропал без вести. Мальчик проживает в квартире, ставшей местом преступления, но не был обнаружен там полицейскими, первыми прибывшими на место преступления. Мы, естественно, в высшей степени заинтересованы в любой информации об Александре Линдхольме и о его нынешнем месте нахождения».

Фотографы принялись лихорадочно снимать изображение ребенка.

Пресс-атташе призвал репортеров к тишине и сказал: «Фотография мальчика будет разослана во все СМИ и в электронном виде, и в виде обычных снимков…»

Следователь почесал затылок, а представитель криминальной полиции смущенно поморщился.

Корреспондентам раздали фотографии и компакт-диски, после чего суета в зале понемногу улеглась.

«Убийства полицейских в Швеции происходят очень редко, – снова заговорил представитель криминальной полиции, и тяжелая тишина повисла как в зале пресс-конференции, так и перед телевизором в отделе полиции Сёдермальма. – Давид Линдхольм стал первой жертвой со времени убийства Малександера в конце девяностых, и мы должны быть благодарны за это судьбе».

Он снял очки и потер глаза. Потом снова заговорил, на этот раз задумчиво и печально.

«Когда убивают полицейского, мы теряем не только человека, мы теряем друга, – сказал он. – Мало того, убийца посягает на демократические основы нашего общества».

Он наклонил голову, как будто подтверждая свои слова, и Нина заметила, что в комнате многие полицейские тоже закивали в знак согласия.

«Давид был… необыкновенным человеком, – продолжил комиссар, понизив голос. – Он был примером, образцом для многих, кто не имел отношения к полиции, он умел вдохновлять людей из самых разных слоев общества».

Голос комиссара криминальной полиции предательски дрогнул.

«Я имел честь видеть, как Давид работает с отпетыми преступниками, с наркоманами, с осужденными на пожизненное заключение. Он умел внушать людям надежду на лучшее будущее…»

Нина вдруг поняла, что не может больше это слушать. Она растолкала стоявших перед ней полицейских, вышла из комнаты и направилась в раздевалку.

Томас вел свой джип по идиллическим улицам пригорода, чувствуя, как в открытые окна врывается раннее лето, как ласковый ветерок ерошит волосы, пробирается под одежду. Чувственные бедра Софии продолжали жечь кожу, запах ее духов ласкал небритые щеки и подбородок.

Он ощущал себя живым. «По-настоящему живым!»

Последние двадцать четыре часа он провел в двуспальной кровати Софии Гренборг. София позвонила ему, ей было плохо, ибо некоторые вещи были для нее важнее, чем карьера. Завтракали и обедали они, завернувшись в простыни.

Неужели прошел всего лишь один день, с тех пор как он уехал отсюда? Один день и одна ночь миновали, с тех пор как он жил здесь, среди этих берез?

Мимо мелькали лужайки. Он не узнавал их, словно они явились из другого мира.

Все прошедшие годы с Анникой представлялись ему теперь пыльной дорогой блуждания по пустыне, чередой перемирий после неприятных стычек и бесконечных разговоров.

«Как я мог с этим мириться? Почему я не бросил ее раньше?»

Конечно, из-за детей. Он исполнял свой родительский долг.

Томас проехал мимо парковки возле супермаркета, помахав человеку, который показался ему знакомым.

Правда, Анника забеременела в самом начале их романа, и у него, собственно говоря, не было выбора. Он мог либо попытаться жить с матерью ребенка, либо оставить ее, превратившись в одного из тех беспечных отцов, чьи дети растут, не имея будущего в обществе, которое их отвергает.

Но теперь с этим покончено. Хватит сносить неоправданные, безосновательные вспышки эмоций Анники. Он заберет одежду, компьютер, записи, а в понедельник созвонится с адвокатом по бракоразводным делам. У Софии хорошие связи в этом мире – среди врачей, адвокатов, ученых. Ей не приходится, как Аннике, просиживать часы над «Желтыми страницами», чтобы найти квалифицированного профессионала.

Эти женщины были абсолютно несхожи. В Софии было все, что презирала Анника, презирала, потому что сама была этого лишена – образования, женственности, хороших манер.

София любила секс, в отличие от этой фригидной козы Анники.

Нет, это низко. Как он может быть таким подлым?

Он повернул направо, к дому, рыская взглядом по светлой зелени деревьев и белизне заборов. Дома нависали с обеих сторон улицы – патрицианские виллы и большие кирпичные дворцы в романтическом национальном стиле, с резными верандами, бассейнами и летними беседками.

«Ей придется отдать мне мою долю дома, и это недешево ей обойдется».

Он был готов к драке, на самом деле готов, ибо этот дом принадлежит и ему. Да, это она наткнулась на мешок с деньгами, когда раскрыла банду террористов на севере Швеции, но брачного договора у них не было, поэтому половина собственности принадлежит ему.

Подумав об этом, Томас вдруг вспомнил, что на самом деле не знает, сколько денег нашла Анника. Она передала мешок в полицию, а это означало, что ей причиталось только десять процентов. Поэтому они даже думать не могли о приобретении собственности где-нибудь в престижном районе города, например в Эстермальме. София же родилась с деньгами, пентхаус, который она занимала, принадлежал ее родителям.

Доехав до поворота на Винтервиксвеген, Томас почувствовал, как участился его пульс. Да, объяснение ему предстоит малоприятное.

София спросила, не хочет ли Томас, чтобы она поехала с ним. Она была бы рада поддержать его в трудной ситуации. Но Томас проявил твердость, сказав, что коль скоро он сам заварил эту кашу, то сам и будет ее расхлебывать.

«Я сам в этом разберусь. Я смогу это сделать».

Тяжело вздохнув, он свернул к дому.

«Я не хочу ссориться с Анникой. Мне просто надо забрать некоторые вещи…»

Сначала он никак не мог понять, что произошло с домом и вообще с этим местом. Что-то не складывалось. Потребовалось несколько томительно долгих секунд – пока его мозг сумел осознать запах гари и пепла, пока он разглядел обгорелые развалины дома, – прежде чем реальность словно ударила его в лицо мощным кулаком.

Он остановил машину, налег на руль и, вытянув шею и открыв рот, уставился на открывшуюся ему картину.

От его дома остались лишь дымящиеся развалины. Дом рухнул. Среди обугленных досок и брусьев, на траве, валялась почерневшая от копоти черепица. Машина Анники, закопченная и искореженная жаром, стояла на подъездной дорожке.

Томас выключил двигатель и прислушался к собственному хриплому дыханию.

«Что она сделала, чертова ведьма? Что она сделала с детьми?»

Он открыл дверь и вышел на дорогу. Машина запищала, и Томас вспомнил, что забыл вытащить из замка ключ зажигания. Этот звук преследовал его, пока он брел к ленточке полицейского ограждения. Дойдя до нее, Томас остановился и тупо уставился на обгорелые остатки стен, черневшие на фоне синего неба.

«Господи, где дети?»

Сердце его сжалось, Томасу стало трудно дышать, он услышал рвущееся из груди всхлипывание.

«Нет, нет, нет!»

Он опустился на колени, не замечая сырости, тотчас пропитавшей брюки. Все его вещи, вся одежда, футбольный мяч с того турнира в Штатах, студенческая корпоративная шапочка, гитара, вся его библиотека, старые виниловые диски…

– Это ужасно, да?

Томас поднял голову и увидел Эббу Романову, соседку, жившую напротив. Сначала он ее не узнал. Она обычно гуляла с собакой и теперь, без поводка, перестала быть похожей на себя. Она протянула ему руку. Он пожал ее и встал, отряхивая влажную золу с коленей.

– Вы знаете, что произошло? – спросил он, вытирая глаза.

Эбба Романова покачала головой:

– Все уже сгорело, когда я вернулась домой.

– Вы не знаете, где дети? – спросил он дрогнувшим голосом.

– Я уверена, что с ними все в порядке, – ответила Эбба. – Здесь не нашли…

Она проглотила конец фразы и судорожно вздохнула.

– В конце концов, это всего лишь домовладение, – сказала она, глядя на развалины. – Самое главное – это жизнь.

Томас почувствовал, что со дна его души поднимается волна необъяснимой ярости.

– Вам легко говорить.

Эбба не ответила, и Томас заметил, что ее глаза наполнились слезами.

– Простите, – сказала она, вытирая нос. – Это из-за Франческо. Его убили.

«Франческо?»

– Это моя собака, – сказала она. – Прошлой ночью его застрелили. Он умер у меня в гостиной.

Она указала рукой в сторону своего дома и, прежде чем Томас собрался что-нибудь сказать, отвернулась и, пошатываясь от рыданий, пошла к своему крыльцу.

– Постойте, – окликнул он ее. – Что все же случилось?

Эбба, не останавливаясь, обернулась через плечо.

– Поймали Нобелевского убийцу, – сказала она и пошла дальше.

Томас, в полной растерянности и недоумении, остался стоять на дороге.

«Что я делаю? Что я должен сделать?»

Он достал из кармана мобильный телефон и посмотрел на дисплей. Ни сообщений, ни пропущенных звонков.

«Ты ничего не сказала? Это послужит мне уроком!»

Да, он выключил вчера телефон, чтобы не слушать ее криков и плача. Но она могла отправить сообщение. Она могла сказать, что его дом сгорел.

«Не слишком ли многого ты хочешь?»

Он поднял трубку, решив позвонить ей и высказать, что по этому поводу думает, но тут вспомнил, что не знает ее номер. Он нашел его в записной книжке, набрал, но в ответ услышал ответ оператора «Телии».

У нее даже нет персонального ящика голосовой почты.

Он повернулся спиной к закопченным развалинам и пошел к машине.

Работа в отделе мало-помалу начала оживляться, но передача смены в шестнадцать часов прошла без особого подъема. Нине снова выпало патрулировать с Андерссоном, и она не видела причин возражать. Весь остальной молодняк ничуть не лучше.

Сейчас они все сидели в дежурке, и никто не хотел уходить до минуты молчания, назначенной на пять часов вечера. Нина прошлась по коридору, потом оглянулась, чтобы удостовериться, что ее никто не видит, и нырнула в комнату для допросов. Остановившись у двери, она прислушалась. В коридоре раздавался раскатистый бас Андерссона.

«Как мне с этим справиться? Как мне все привести в порядок?»

Она сняла трубку с аппарата и несколько секунд слушала гудок. Потом набрала десятизначный номер и принялась ждать.

В трубке на противоположном конце провода раздался чей-то приглушенный кашель.

– Здравствуй, это я, Нина.

Она слышала, как кто-то тяжело дышит и хлюпает носом в трубку.

– Хольгер, это ты?

– Да, – ответил отец Юлии.

Нина оглянулась, убедилась, что дверь закрыта, и села за пустой стол.

– Как вы? – тихо спросила она. – Как Виола?

– Она в отчаянии, – ответил Хольгер. – В полном отчаянии. Мы…

Он замолчал.

– Понимаю, – произнесла Нина, не дождавшись продолжения. – Вы что-нибудь слышали об Александре?

– Нет, ничего.

Снова наступило молчание.

– Хольгер, – сказала Нина. – Я хочу, чтобы ты внимательно выслушал то, что я тебе сейчас скажу. Я не должна говорить этого ни тебе, ни кому-либо другому. И ты можешь сказать только Виоле. Тот вызов приняла я. И оказалась в квартире Юлии первой. Я нашла Юлию на полу в ванной. Я позаботилась о ней и поехала с ней в больницу. Она не ранена. Хольгер, ты слышишь, что я говорю? У нее не было физических травм. У нее, конечно, тяжелый психологический шок, но это со временем пройдет. Хольгер, ты понимаешь, что я говорю?

– Ты… Что ты делала в квартире Юлии?

– Я была на дежурстве. И оказалась в ближайшей к месту преступления патрульной машине, поэтому откликнулась. Думаю, что я поступила правильно.

– Но где был Александр? Он был там?

– Нет, Хольгер. Александра не было в квартире, когда я вошла.

– Но… где же он?

Нина почувствовала, как к ее глазам подступают слезы.

– Не знаю, – прошептала она, чтобы не разрыдаться. – Вам кто-нибудь помогает? Вы с кем-нибудь говорили?

– Кто станет с нами говорить?

Да, он прав, никто. Хольгер и Виола не считаются родственниками жертвы, они – родственники предполагаемого убийцы. Едва ли государство раскошелится на психологов, которые бы с ними поработали.

– Я дежурю в субботу и воскресенье, – сказала Нина, – но в понедельник смогу вас навестить. Вы не против?

– Ты для нас всегда желанная гостья, – заверил Хольгер.

– Я не хочу мешать, – сказала Нина.

– Ты никогда нам не мешаешь. Мы будем очень рады твоему приезду.

В трубке снова повисло молчание.

– Нина, – произнес наконец Хольгер, – это она его застрелила? Его застрелила Юлия?

Нина перевела дух.

– Я не знаю, но похоже, что да. Прокурор потребовал ее ареста.

Отец Юлии несколько раз тяжело вздохнул.

– Ты знаешь за что?

Нина поколебалась. Ей не хотелось лгать.

– Я ни в чем не уверена, – сказала она. – Но думаю, что в последнее время у них были проблемы. Юлия мне о них почти не рассказывала. Она что-нибудь говорила вам?

– Ничего, – вздохнул Хольгер. – Ничего такого, чтобы мы поняли, что дело приняло такой серьезный оборот. Примерно год назад она говорила, что это стыд, что Давиду не нравится Бьёркбакен, но ничего другого не говорила…

В коридоре послышался шум, потом голос Андерссона.

– Мне надо идти, – сказала Нина. – Звони мне на мобильный, ты слышишь, Хольгер? Звони в любое время…

Электронный сигнал буравил мозг. Аннике нестерпимо захотелось заткнуть пальцами уши.

Часть денег, которые дала ей Берит, она израсходовала на покупку новых электронных игр для детей. Теперь они сидели в изголовье кровати, и каждый прилип взглядом к своему экрану. Эллен играла в «Принцессу», а Калле – в гольф с Супермарио. Игра сопровождалась жужжанием, звонкими ударами и щелчками.

Теперь она планировала свое будущее на периоды не продолжительнее двух минут. Так ей было спокойнее.

«Сейчас я куплю новую сумочку. Сейчас мы пойдем есть сосиски. Сейчас мне надо позвонить…»

В этот момент рядом действительно зазвонил телефон, заставив Аннику подпрыгнуть от неожиданности. Она встала, прошла в ванную и сняла трубку.

Звонил инспектор уголовного розыска К.

– Откуда ты узнал, что я здесь?

– Я говорил с Берит. Речь шла о пожаре в твоем доме. Судмедэксперты и криминалисты только что вернулись и дали предварительное объяснение причины. Степень разрушения и взрывной характер распространения огня говорят о том, что очаги возгорания возникли сразу в нескольких местах и, вероятно, на двух этажах. Что, в свою очередь, позволяет говорить об умышленном поджоге.

– Но я тебе это уже говорила! – живо воскликнула Анника. – Я его видела, я знаю, кто это сделал.

– Кто?

– Гопкинс. Сосед. Он стоял в кустах и смотрел, как горит дом, когда мы уезжали.

– Полагаю, что ты ошибаешься. Тебе стоит крепко подумать, прежде чем указывать на кого-то пальцем. Поджог – это серьезное обвинение, одно из самых тяжких преступлений по уголовному кодексу. За поджог можно получить пожизненный срок.

– И поделом, – огрызнулась Анника.

– Жульничество со страховкой на случай пожара – тоже серьезное обвинение, – сказал К. – Мы тщательно расследуем каждый случай пожара.

Анника презрительно фыркнула.

– Ничего у вас не выйдет, даже не пробуйте, – сказала она. – Я точно знаю, что произошло. И потом, у вас, по-моему, много других важных дел, кроме моего пожара.

Например, нобелевские убийцы, не так ли? Или убийство Давида Линдхольма. Кстати, вы нашли мальчика?

На другом конце провода послышался какой-то шум, кто-то вошел в кабинет комиссара. Анника слышала в трубке какие-то голоса. К. отложил трубку в сторону, слышалось шуршание бумаги.

– Я тебе позвоню, – сказал К. и положил трубку, не ожидая ответа.

Анника осталась сидеть с трубкой в руке, прислушиваясь к звукам электронных игр, проникающим сквозь щель под дверью ванной.

Ей вдруг страшно захотелось увидеть Томаса.

«Ты никогда не давала мне шансов. Почему ты ничего мне не сказала?»

«Она хочет, чтобы мы встретились. Я еду к ней».

Томас решительно зашагал по паркету, взял с пола портфель, открыл входную дверь и выглянул в серый полумрак. Он вышел, ни разу не оглянувшись, и дверь бесшумно закрылась за ним.

– Мама! – крикнул из комнаты Калле. – С Марио что-то случилось. Он не хочет бить по мячу.

На несколько секунд Анника прижала ладони к глазам и задышала ртом.

– Сейчас иду! – ответила она, поднимаясь.

Она открыла кран, сполоснула лицо и сильно его растерла.

Калле открыл дверь ванной.

– Я не могу нажать «удар», – сказал он, держа перед собой игру.

Анника вытерла руки полотенцем, присела на край ванны и принялась рассматривать игру, нажимая разные клавиши до тех пор, пока не поняла, в чем дело.

– Должно быть, ты нажал «паузу», – сказала Анника, показав сыну, как снова начать игру.

– Я не нажимал «паузу», – обиженно возразил Калле.

– Ты, наверное, сделал это случайно, – сказала Анника, – по ошибке.

– Нет, я не нажимал! – крикнул Калле. Глаза его наполнились слезами, и он вырвал игру из рук матери.

У Анники на мгновение потемнело в глазах, она уже занесла руку, чтобы дать сыну подзатыльник.

Она сделала глубокий вдох и опустила руку, посмотрев на сына, который стоял перед ней с трясущимися губами.

«Господи, мне нельзя распускаться. Что будет, если я сорвусь?»

– Ну ладно, по крайней мере Марио теперь снова станет бить по мячу, – сказала она севшим голосом.

Пятница, 4 июня

Дверь кабинета инспектора уголовного розыска К. была приоткрыта. Нина остановилась, не зная, как поступить: нажать кнопку рядом с тремя табличками с надписями: «ждите», «занят» и «входите» или просто постучать.

Она не успела принять решения, когда дверь распахнулась и перед Ниной предстал комиссар К. Волосы его были растрепаны, знаменитая гавайская рубашка выбилась из-под ремня джинсов.

– Какого черта? – сказал он. – Ты что, подслушиваешь?

Он протянул ей руку:

– Нина Хофман, я полагаю?

Она посмотрела ему в глаза:

– Да, это я, а ты, полагаю, К.?

– Ради бога, входи. Моя стройная длинноногая блондинка секретарша сегодня в отгуле, поэтому мне приходится самому варить кофе. Какой ты любишь?

Нина во все глаза смотрела на него. Что он несет?

– Спасибо, я пью любой, – сказала она, входя в кабинет.

Обстановка в кабинете комиссара уголовного розыска на третьем этаже полицейского управления в Кунгсхольме была безликой настолько, что ее можно было бы назвать спартанской. Не было даже занавесок. На подоконнике стоял горшок с давно засохшим растением, видимо доставшийся К. в наследство от прежнего владельца.

Она стояла посреди кабинета те несколько минут, пока комиссар наливал кофе в автомате.

– Не волнуйся, кресло у меня без ловушки, – сказал он, указывая кружкой дымящегося кофе.

Нина села в старое потертое кресло, отчего-то чувствуя себя очень неловко.

Она много слышала об инспекторе уголовного розыска комиссаре К., хотя он и не пользовался такой популярностью, как Давид Линдхольм. В отличие от Давида, его к тому же не все любили. Многие считали его одежду слишком экстравагантной. Порицали и за любовь к поп-музыке. Ходили упорные слухи, что он – голубой.

К. сел за стол напротив Нины.

– Это было роковое совпадение, не так ли? – сказал он, дуя на свой кофе.

– Что именно? – поинтересовалась Нина.

– То, что ты оказалась первой на месте именно этого преступления.

– Это допрос? – спросила Нина, слегка вздернув подбородок.

– Вовсе нет! – вскинул руки инспектор. – Назовем это беседой двух коллег, если угодно. Мне было бы любопытно узнать, что ты думаешь по этому поводу, услышать нечто такое, для чего не предусмотрено места в официальных бланках.

Нина попыталась расслабиться. Он и правда очень странный, особенно если учесть его высокое звание и должность.

– Что ты хочешь знать? – спросила она.

– Как ты отреагировала, получив вызов?

«Бондегатан – длинная улица, на ней живут тысячи людей».

Она посмотрела в окно.

– Да никак не отреагировала, – ответила она. – Почему я должна была что-то подумать?

Мужчина за столом поиграл чашкой кофе, а потом несколько секунд молча смотрел на Нину. От этого взгляда у нее пересохло во рту, и она едва подавила желание облизать губы.

– Знаешь что? – заговорил наконец К. усталым и тихим голосом. – Думаю, что ты лжешь. Думаю, ты знаешь гораздо больше того, что указала в рапорте из желания выгородить свою лучшую подругу. Но поверь мне, молчанием ты ей не поможешь. Для того чтобы разобраться в этом происшествии, мне надо точно знать, что произошло.

Нина постаралась выпрямиться и кивнула. Да, это она понимает.

– Я знал Давида Линдхольма, – сказал К. – Я знал его очень хорошо, лучше, чем многие другие. Скажем прямо, я не разделяю восторги тех невежд, которые считают его великим героем.

Нина удивленно воззрилась на комиссара полиции.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Мы с ним вместе учились. Зачем Давид пришел в полицию, так и осталось для меня величайшей загадкой. Он даже отдаленно не интересовался полицейской работой, просто хотел удовлетворить свою ненасытную тягу к экстремальному спорту и женщинам.

Он посмотрел на Нину, очевидно для того, чтобы понаблюдать ее реакцию.

– Но это свойственно юности, – возразила она.

– Он иногда проявлял склонность к насилию, порой заходил слишком далеко. Ты не замечала этого за время службы?

– Я никогда не работала с Давидом. Он оставил работу «на земле» задолго до того, как мы – я и Юлия – с ним познакомились.

К. вздохнул и, подавшись вперед, облокотился о стол.

– Ну, хорошо, – сказал он, – но сейчас есть нечто более важное, чем характер Давида Линдхольма и вопрос о вине Юлии. Нам надо найти его сына. У тебя нет никаких мыслей относительно его местонахождения?

Нина убрала за ухо прядь волос.

– Родители Юлии живут в Сёдерманланде, на ферме близ Катринехольма. Они иногда забирали к себе Александра, но сейчас его там нет. Я разговаривала с ними вчера…

– Родители Юлии были первыми, кто заявил о пропаже ребенка, – сказал К.

Нина, оцепенев, застыла в кресле.

– Отец Давида умер много лет назад, а его мать живет в доме престарелых. Я с ней не разговаривала, но сомневаюсь, что мальчик у нее. Юлия практически не общалась с соседями и с мамочками в детском саду, но я полагаю, что в ту ночь он был у кого-то из них…

– Всю прошлую неделю мальчик не ходил в сад. Никто не видел его с прошлой пятницы – ни воспитательницы, ни другие родители.

«Это самое худшее из всего, что произошло. Как вообще могло до такого дойти?»

– И что… что, по-твоему, могло случиться?

– У Линдхольмов был счастливый брак?

Нина опустила глаза.

– Думаю, что его нельзя было назвать счастливым.

– То есть он был несчастлив настолько, что Юлия была готова уйти от мужа? Настолько, что она готовилась к отъезду?

– Этого я не знаю, – сказала Нина.

Инспектор подался вперед и внимательно посмотрел Нине в глаза.

– Она не могла где-нибудь спрятать ребенка? – спросил он. – Может быть, он жив, но где-то заперт?

Нина тяжело сглотнула и, отвернувшись, снова посмотрела в окно. «Могла ли Юлия это сделать? Могла она спрятать Александра, а потом прийти домой и застрелить Давида?»

– С момента убийства прошло уже тридцать часов, – сказал К. – Время уходит. Если у мальчика нет доступа к воде, то мы должны найти его в течение суток, в самом крайнем случае – в течение двух. Думаю, ты понимаешь, насколько серьезно положение.

Сквозняк из-под двери заставил Нину вздрогнуть.

– У Юлии есть летний домик, – сказала она. – Он в лесу близ Катринехольма. Она снимает его у соседей, знакомых родителей. Они, правда, редко там бывали. Давид считает, что там слишком мало удобств, но Юлия любит этот дом…

Она умолкла, поняв, что употребляет настоящее время.

Комиссар в это время принялся что-то записывать.

– Значит, она его снимает? Именно поэтому мы ничего не обнаружили в реестре жилищной собственности. Где он точно находится?

– В лесу, недалеко от Флоды, на полпути к Гранхеду, – ответила Нина. – Я могу нарисовать маршрут на карте…

Она взяла лист бумаги, набросала схему местности и изобразила путь к домику Юлии.

– Это место называется Бьёркбакен, – сказала она, – но указателя на дороге нет. С дороги домик не виден, почту доставляют в ящик, который находится во Флоде. Но там есть старый мильный камень, на нем написано, сколько миль осталось до церкви во Флоде. Пропустить этот указатель просто невозможно.

Она подвинула лист комиссару.

– Как часто она туда ездит?

Нина задумалась.

– Не знаю. В последние годы мы с ней очень редко виделись…

– Почему? – оживился К.

Нина поколебалась.

– Давид… – неопределенно сказала она. – Мы с ним не ладили.

– Почему?

Нина посмотрела на засохший цветок и вспомнила тот день, когда они впервые увидели Давида.

Он приехал читать лекцию в полицейскую академию, в джинсах, белой футболке и высоких ковбойских ботинках. Волосы торчали в разные стороны, щеки покрывала недельная щетина.

Нина вспомнила восторженное лицо преподавателя.

«Сегодня мы должны были заняться проблемами предупреждения преступлений, в частности преступлений на расовой почве, но поскольку у нас появилась возможность послушать Давида Линдхольма, то мы с радостью…»

В зал пришли и другие преподаватели, что было большой редкостью.

Давид сел на стол у доски, одна нога висела в воздухе, вторая твердо покоилась на полу. Он наклонился вперед, опершись рукой на бедро. Создалось впечатление раскованности и одновременно авторитетности.

Юлия прошелестела на ухо подруге:

«Ты только посмотри на него! В жизни он даже лучше, чем по телевизору…»

Это была самая лучшая лекция из всех, что они слышали за период обучения в академии. Давид говорил о переговорах с преступниками в экстремальных ситуациях, например, когда речь идет о спасении заложников. Он описывал ситуации и события, от которых у слушателей отвисали челюсти. Давид легко переходил от неподражаемой серьезности к искренним шуткам. У него была неотразимая белозубая улыбка, и к тому же он сразу обратил внимание на Юлию. Нина видела, что, отпуская очередную шутку, он неизменно смотрел на нее, а один раз даже подмигнул ей, вогнав девушку в краску.

Потом преподаватели и слушатели окружили знаменитого лектора. Он смеялся и шутил, но, когда Нина и Юлия собрались уходить, извинился и, прервав беседу, нагнал их.

«Вы – надежда и будущее Швеции, – сказал он. – Когда вы вступите в ряды полиции, эти молокососы будут вставать в очередь, требуя, чтобы их арестовали первыми…»

Он притворялся, что обращается к ним обеим, но смотрел все время на Юлию.

Юлия улыбалась в ответ чарующей улыбкой. Глаза ее блестели.

Нина до сих пор помнит испытанный ею укол ревности.

Она подняла голову и посмотрела на комиссара уголовного розыска инспектора К.

– Думаю, что Давид чувствовал, что я очень близка Юлии. Некоторым мужчинам это не нравится.

К. испытующе смотрел на нее несколько секунд.

– В рапорте ты указала, что Юлия упомянула о присутствии в квартире другой женщины.

Нина кивнула:

– Да, это так. На присутствие в квартире чужого человека ничто не указывало, но я написала об этом со слов Юлии.

– Как ты думаешь, она сказала правду?

Несколько мгновений Нина молчала.

– Не знаю. Возможно, криминалисты увидят в квартире следы пребывания чужого человека…

– В квартире нашли множество разнообразных отпечатков пальцев, – сказал К. – вероятно, там давно не было генеральной уборки. Ты не видела следов взлома. Не было ли повреждений на двери?

– Нет.

– Криминалисты нашли следы крови на полу прихожей. Ты там ничего не заметила?

– Нет, но я видела пистолет на полу, в изножье кровати.

– Это был пистолет Юлии.

Нина замолчала и опустила глаза.

– Эта другая женщина могла войти в квартиру каким-нибудь иным путем? – спросил К. – Например, через окно?

Нина взглянула на грязные окна кабинета; сквозняк из спальни, слегка приоткрытое окно. Занавески задернуты. В комнате темно. В углах темные тени, но не заметно никакого движения. Только запах – острый и незнакомый.

– Окно спальни было, кажется, приоткрыто, – сказала она. – Я не проверяла, но из спальни тянуло сквозняком.

– Куда выходит окно спальни?

– На Бондегатан.

– Можно ли попасть в квартиру через окно?

– Квартира расположена на третьем этаже, фасад оштукатурен. Теоретически возможно забраться в окно по веревке, но для этого ее надо закрепить либо на крыше, либо в квартире.

К. вздохнул.

– Ты уверена в правдивости информации о другой женщине?

Нина напряглась.

– Что ты имеешь в виду?

– Может быть, ты неправильно поняла Юлию?

«Что они думают по этому поводу? Какова настоящая цель этого разговора?»

– Ты полагаешь, что я все это придумала, чтобы выгородить подругу?

– Я вообще не строю предположений. Но я очень хочу, чтобы ты помогла понять, что произошло.

К. подался вперед и внимательно посмотрел Нине в глаза.

– Дело вот в чем: Юлия с нами не разговаривает. Мы очень хотим вызвать ее на разговор. Ты не могла бы нанести ей неформальный визит? Может быть, она что-то скажет тебе.

«Ага, вот оно что. Вот куда мы клоним».

Нина скрестила на груди руки.

– Вы хотите, чтобы я шпионила за своей лучшей подругой? Вы это мне предлагаете?

– Называй это как хочешь, – безмятежно произнес комиссар. – Я даю тебе шанс навестить Юлию и узнать, как она себя чувствует. Если ты считаешь это допустимым, то можешь спросить о другой женщине и о том, что случилось в квартире вчера утром.

– То есть я должна буду произвести дознание в отсутствие адвоката? – сказала Нина. – Но это совершенно неэтично.

– Возможно. – К. посмотрел на часы. – Сейчас она, насколько я знаю, находится в Кронебергской тюрьме. Я могу получить для тебя разрешение на ее посещение, если ты считаешь, что это поможет делу.

– Значит, ее уже выписали из госпиталя?

– Я видел ее вчера вечером. Она в нормальном состоянии.

– Да, но вчера утром она была совершенно невменяемой.

– Она была не слишком разговорчива, но иного трудно было бы ожидать. Она ведет себя так, как обычно ведут себя люди, взятые под стражу.

Комиссар что-то написал на листке бумаги и встал.

– С Юлией все в порядке, – сказал он. – Думаю, что она не будет против твоего посещения. Это номера моих телефонов. Позвони, если надумаешь ее навестить.

Нина взяла листок с телефонами и тоже встала.

– Еще один вопрос, – сказала она. – Как получилось, что ты занимаешься этим делом?

– Я здесь работаю, и мне сейчас больше нечем заняться, – ответил К.

– Но делами полицейских, подозреваемых в совершении преступлений, занимается высшее полицейское начальство. Почему для Юлии сделано исключение?

Комиссар открыл дверь, чтобы выпустить Нину.

– Юлия Линдхольм уволилась из полиции пятнадцатого мая, – сказал он. – Старший прокурор и полицейские власти решили, что с ней обойдутся как с простой смертной. Едва ли это дело могут расследовать ее бывшие коллеги в Сёдермальме, и поэтому дело передали нам – в отдел национальной криминальной полиции, а не в местный отдел.

Нина изумленно уставилась на него:

– Это невозможно.

– Уверяю тебя, я очень серьезно отношусь к соперничеству между местными отделами и управлением криминальной полиции, но в данном случае у нас просто не было выбора.

– Она не могла уволиться. Сначала она посоветовалась бы со мной.

– Знаешь, моя секретарша в отгуле, и мне придется сейчас сидеть и полировать ногти, так что не обессудь…

Он бесцеремонно выставил Нину в коридор и закрыл дверь кабинета.

Держа в руке чашку кофе, Анника, опершись плечом о дверной косяк, смотрела, как ее дети гонялись за собакой Берит по большой лужайке перед домом. Калле, конечно, был проворнее, но и Эллен не отставала от него на своих маленьких ножках. У девочки хороший шаг, из нее, может быть, получится неплохой спринтер.

«Я тоже хорошо бегала короткие дистанции. Да, и если на то пошло, и длинные тоже. Убежала же я от Свена…»

Она поспешно отбросила эту пришедшую некстати мысль.

С крыльца открывался изумительный вид. Справа стоял большой двухэтажный дом с резной террасой. Еще правее, к озеру и пляжу полого уходил луг, где летом все время оставляли навоз соседские лошади. Впереди, за загонами, стоял густой лес.

«Наверное, так и надо жить – ближе к природе».

Но Анника понимала, что через неделю жизни в деревенской хижине ее замучит тоска по большому городу.

– Мама, я его поймал!

Калле ухитрился ухватить за шею старого добродушного лабрадора Берит. Мальчик и пес повалились в траву, и Анника успела заметить, что трава оставила на одежде Калле несмываемые зеленые следы.

– Не приставай к ней. Между прочим, это она.

К домику для гостей подошла Берит с кружкой кофе в одной руке и с мобильным телефоном Анники – в другой.

– Ты хорошо спала? – спросила Берит.

Анника попыталась выдавить улыбку.

– Вроде ничего. Мне снились смешные сны.

Берит села на ступеньки крыльца.

– О пожаре?

– О…

Анника осеклась. Она не рассказывала Берит о неверности Томаса. Ее уже много месяцев преследовали ночные кошмары, где главным действующим лицом была София Гренборг. От этих сновидений Анника просыпалась в холодном поту и вне себя от ужаса.

– Со старым зарядным устройством Торда что-то случилось, поэтому я не знаю, зарядилась ли батарея, – сказала Берит.

Она положила телефон на крыльцо. Анника уселась рядом и принялась смотреть на луг, сжимая ладонями кружку.

– Вы выбрали красивое место, – сказала она.

Берит сощурилась от ярких бликов солнца в воде озера.

– Это был последний шанс для меня и Торда, – сказала она, не отрывая глаз от пляжа. – Мы ухватились за него и выиграли.

Анника проследила за взглядом коллеги и посмотрела на воду.

– Что ты имеешь в виду?

Берит искоса посмотрела на Аннику и натянуто улыбнулась.

– У меня был роман, – сказала она, и Анника едва не задохнулась от удивления.

«У Берит был роман?»

– Я сильно увлеклась другим человеком, – продолжала Берит, – но, конечно, все это оказалось иллюзией. Я влюбилась в саму любовь, это было сильное чувство, которое то гасло, то снова разгоралось.

Она смущенно рассмеялась.

– Но, естественно, это продолжалось недолго. Когда я присмотрелась к предмету своей страсти внимательно, то поняла, что он просто козел. Не было смысла бросать все, что было у меня с Тордом, ради редкого хорошего секса.

Анника уставилась в кружку, не зная, что сказать.

«У Берит роман? Хороший секс? Но ей же пятьдесят два года!»

– Я знаю, о чем ты думаешь, – усмехнулась Берит, – и вот что я тебе скажу: я точно так же чувствовала себя в постели, когда мне было восемнадцать. Я рада, что это произошло, но никогда не сделаю этого еще раз.

Не соображая, что делает, Анника поставила кружку на крыльцо, обвила руками шею Берит и расплакалась. Она плакала молча, все ее тело сотрясалось от беззвучных рыданий.

– У него другая женщина, – прошептала она, вытирая нос тыльной стороной ладони. – Мне снится, что я ее убиваю. Он ушел от меня к ней, и в ту же ночь загорелся мой дом.

Берит вздохнула и погладила Аннику по спине.

– Ты до сих пор не говорила с ним?

Анника покачала головой и вытерла щеки рукавом кардигана.

– Через это надо пройти. Окольного пути не бывает.

Анника кивнула:

– Я знаю.

– В кабинете есть телефон. Дети могут побыть здесь, если тебе надо будет уехать.

Берит встала, отряхнулась и пошла в дом с кружкой в руке.

Анника смотрела ей вслед, стараясь взглянуть на нее глазами мужчины.

Берит была высокой и стройной женщиной с широкими плечами и короткой стрижкой. Сейчас на ней была свободная блузка, прикрывавшая бедра. На работу она одевалась по-другому: в пиджак и темные брюки. Иногда она надевала дорогие изящные украшения.

«И мне ни разу в голову не пришло, что у Берит может быть роман на стороне!»

Ей не могло прийти в голову, что ее образованная, отменно воспитанная коллега – сексуальное существо!

Это новое знание вызывало у Анники неловкость вроде той, какую испытываешь, поняв, что когда-то твои мама и папа занимались сексом.

Потом ее вдруг поразил совершенно очевидный вопрос: с кем?

С кем у нее был роман?

С кем-то из редакции?

Скорее всего, так оно и было.

Или с кем-то со стороны? Берит встречалась с очень многими людьми в поисках нужной информации.

Она сказала, что эта ферма была последним шансом для нее и Торда. Но когда они ее купили? Пару лет тому назад? Да она ведь в то время уже работала в «Квельспрессен»! Может, это было, когда Анника была в декретном отпуске. Тогда неудивительно, что она ничего не заметила.

Только бы не Спикен!

«Ради бога, только не Спикен!»

Почему-то известие о том, что у Берит был роман, подействовало на Аннику воодушевляюще. Она была готова окликнуть коллегу и расспросить ее о подробностях.

Ничего, все еще можно поправить, ничто еще не кончено просто потому, что настали трудные времена.

Она бросила взгляд на мобильный телефон. В следующий раз, когда она будет в городе, надо не забыть купить зарядное устройство.

Аннику внезапно охватил страх, такой сильный, что она едва не задохнулась.

«Через это надо пройти. Окольных путей не бывает».

Она вернулась в дом, подошла к телефону и набрала номер мобильного телефона мужа.

Один гудок – она услышала, как визжат дети, носясь по лужайке.

Второй гудок – отблеск солнца от воды ослепил ее.

Третий гудок…

– Алло, Томас слушает…

Она судорожно сглотнула.

– Привет, – сказала, точнее пискнула, Анника.

Сердце билось так громко, что она едва расслышала, что он ответил.

– Где ты, черт возьми, была?

Она дрожала, ей пришлось стиснуть трубку обеими руками.

– Я… дом сгорел.

– Ты не подумала, что мне надо было сказать об этом немного раньше?

– Это было вчера утром…

– Почему ты не позвонила? Почему ты мне ничего не сказала? Как ты думаешь, что я испытал, когда сегодня утром увидел обгоревшие развалины? Ты что, не понимаешь, какое это было потрясение?

– Да, прости…

– Как, черт возьми, начался пожар? Дом выгорел дотла. Что ты с ним сделала?

– Я ничего не делала, просто…

Он громко откашлялся.

– Что с детьми?

– С детьми все хорошо. Они играют. Ты хочешь их увидеть?

Томас отложил трубку и пропал на несколько минут.

– Сейчас не самое подходящее время, – сказал он, вернувшись к телефону. – Что говорят в страховой компании?

«Он не хочет видеть детей! Ему нет дела до Эллен и Калле!»

По щекам покатились слезы.

– Я этим еще не занималась, – прошептала она. – В страховую компанию я поеду на следующей неделе.

– Черт! – выругался Томас. – Сколько времени уйдет на то, чтобы получить деньги?

Анника вытерла слезы рукавом.

– Не знаю…

– Мне надо, чтобы вопрос решился как можно скорее, – сказал Томас, и Анника поняла, что он говорит абсолютно серьезно.

– Мне очень жаль, – сказала она.

– Думаю, что мне жаль больше, – отрезал Томас и отключился.

Анника аккуратно положила трубку на аппарат и отдалась чувству жалости к себе. Она несколько раз всхлипнула, вытирая щеки пальцами. Стоя у окна, она смотрела, как на солнце играют дети.

«Когда же все это кончится? Почему жизнь так жестока? Почему ей все время мало?»

Она вышла на крыльцо и села на ступеньки, продолжая смотреть на детей.

Куда ей идти с ними?

Детский сад в Юрсхольме, но сама мысль о том, чтобы снова их туда отдать, вызвала у Анники почти физическую тошноту.

«Хватит с меня пригородов, хватит».

В деревне было здорово, но ей по душе большой город.

Может быть, им стоит вернуться в Кунгсхольм? Там было хорошо. Если повезет, то, может быть, удастся отдать детей в старые детские сады. Обычно новых детей набирают осенью.

Может быть, позвонить и узнать прямо сейчас?

Она достала мобильный телефон и включила его. Зарядное устройство Торда все же зарядило батарею. Анника набрала номер директора и получила сообщение о том, что детский сад сегодня закрыт.

Анника съежилась на ступеньке и обняла руками колени.

Может быть, она не права? Может быть, лучше начать все с чистого листа? Переехать в другой район Стокгольма или вообще в другой город? Вернуться в Катринехольм?

Мобильный телефон стал жужжать. Он поймал сеть, и посыпались сообщения.

Анника посмотрела на экран.

Сообщений было не так много. Пять по голосовой почте и три текстовых.

Голосовая почта по очереди: Спикен, Шюман, Спикен, Томас и Томас. Все тексты были от Томаса, и тональность их раз от разу становилась все более агрессивной и злобной.

Спикен хотел, чтобы она написала о Давиде Линдхольме, потом того же захотел Шюман, потом Спикен поинтересовался, не хочет ли она написать репортаж очевидца о пожаре в собственном доме, и, наконец, звонил муж, такой же злобный, как и в своих текстах.

Как все это характерно для нее, подумала Анника. Такое происходило всякий раз, когда в ее жизни случалась катастрофа. Ее всегда начинали искать. Два ее босса интересовались,

когда она приступит к работе, а потом звонил разъяренный козел, считавший, что она слишком редко с ним трахается.

Она вернулась в дом и позвонила Шюману.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил главный редактор. – Ты собралась? Как ты?

Она села.

– Все в порядке. За мной вчера заехала Берит, и сейчас я в ее деревенском доме.

– Мы пытались до тебя дозвониться, но не смогли.

– Я знаю, но теперь мой мобильный телефон нашелся. Вы что-то хотели?

– Первым делом эта история с Юлией Линдхольм. Ты, кажется, с ней знакома?

– В какой-то степени да. Пять лет назад я всю ночь ездила в ее патрульной машине.

– Мы очень хотим опубликовать этот сюжет, – сказал Шюман. – Но я понимаю, в каком положении ты находишься. Успела что-нибудь спасти из дома?

– Детей.

Он помолчал, явно почувствовав себя неловко.

– Черт возьми, – вздохнул он. – Трудно себе такое вообразить. Тебе нужен отпуск?

– Да, – ответила Анника. – Мне надо разобраться с кучей всяких проблем.

– Как ты думаешь, ты сможешь написать статью о Юлии Линдхольм? «Моя ночь с полицейским-убийцей». Это можно сделать дома.

– У меня нет компьютера.

У нее, кроме того, не было и дома, но об этом она умолчала.

– Можешь получить в редакции новый ноутбук. Я сейчас подпишу требование. Когда ты за ним зайдешь?

Анника посмотрела на часы.

– Сегодня во второй половине дня, – ответила она. – Если я соберусь писать о Юлии Линдхольм, то мне надо поговорить с другой полицейской дамой, которая в ту ночь была в машине, – с Ниной Хофман. Тогда я писала именно о ней.

– Хорошо, я на тебя рассчитываю.

* * *

Анника оставила играющих детей на попечение Берит и пошла к автобусной остановке. Вытащив из кармана мобильный телефон, прочитала список контактов. Сначала набрала «Нина», потом «Хофман» и, наконец, нашла «Полиция. Нина Х.».

Она нажала кнопку и принялась ждать соединения.

– Хофман.

Анника судорожно сглотнула.

– Нина Хофман? Меня зовут Анника Бенгтзон. Я журналистка из «Квельспрессен». Мы с тобой встречались пять лет назад. Я тогда провела ночь в машине с тобой и Юлией…

– Да, я помню.

– Я позвонила не вовремя?

– Что ты хочешь?

Анника окинула взглядом поля и луга, посмотрела на ползущие к горизонту облака, на красные деревянные дома с блестящими на солнце окнами.

– Наверное, ты догадываешься, – ответила Анника. – Мои шефы хотят освежить в памяти читателей, что мы делали тогда в патрульной машине, что говорила и делала Юлия и что я об этом тогда писала. Я обещала это сделать, но решила сначала поговорить с тобой.

– У нас есть офицер по связям с прессой, он общается с журналистами.

– Это я знаю, – сказала Анника, чувствуя, как в ней закипает раздражение. – Но я хотела поговорить именно с тобой, потому что у меня сложилось впечатление, что вы очень близкие подруги.

Нина Хофман несколько мгновений молчала.

– Что ты хочешь написать?

– Юлия очень много говорила о Давиде. Та наша милая болтовня может сегодня заинтересовать читателей. У тебя есть время встретиться со мной?

Анника увидела на гребне холма облако пыли, поднятой приближавшимся автобусом.

– Я не собираюсь никого поливать грязью, – пояснила она. – Я не для этого звоню, скорее наоборот.

– Я тебе верю, – сказала Нина Хофман.

Они договорились встретиться в пиццерии недалеко от дома Нины в Сёдермальме через полтора часа.

Подъехал и остановился автобус. Анника вошла в салон и протянула водителю последнюю пятисоткроновую банкноту Берит.

– У тебя нет денег помельче? – спросил водитель.

Анника покачала головой.

– Мне нечем разменять такую крупную купюру. Тебе придется поехать следующим автобусом.

– Тогда тебе придется силой вышвырнуть меня на улицу, – огрызнулась Анника, положила в карман деньги и прошла в салон.

Водитель несколько секунд смотрел ей вслед, потом закрыл двери и тронул автобус с места.

Анника села в самом последнем ряду и принялась смотреть в окно на проносившийся мимо пейзаж. Все вокруг было окрашено в разные оттенки зелени, скорость размывала края предметов и превращала мир в абстрактное живописное полотно.

Анника закрыла глаза и откинулась на спинку сиденья.

Томас стремительной походкой, выпрямив спину, подошел к зданию правительства на Розенбаде. Не глядя по сторонам, прошел мимо людей, ожидавших очереди у поста охраны, моля Бога, чтобы сработал его пластиковый пропуск.

Официально срок его контракта истек в понедельник, и пропуск ему не возобновили, что Томас воспринял как неожиданный и неприятный сюрприз. До сих пор он переходил с одной работы на другую без представления развернутых резюме или утомительных собеседований. Если отныне все изменится, то это будет большим ударом, особенно теперь, когда он привык работать консультантом в правительстве.

Вчера глава отдела министерства юстиции Пер Крамне позвонил ему и попросил зайти, и Томасу стоило большого труда скрыть тревогу и заинтересованность. Он сказал Крамне, что завтра утром у него важная встреча, и это было правдой, хотя встречался он с Софией.

Если повезет, то старый пропуск сработает и он избежит унизительного ожидания в очереди рядовых посетителей. Он затаил дыхание и набрал номер. Раздалось жужжание, и на замке зажегся зеленый индикатор.

Томас не спеша открыл белую стальную дверь и вошел в коридоры власти. Он спиной чувствовал завистливые взгляды простых смертных: «Кто это? Что он здесь делает? Наверное, это какая-то важная шишка!»

Естественно, он направился к правому лифту. Слева был грузовой лифт, останавливавшийся на каждом этаже. Ехать левым лифтом было большой ошибкой.

Выйдя из лифта на четвертом этаже, он направился прямо в кабинет начальника отдела.

– Очень рад тебя видеть, – сказал Крамне, с таким чувством пожав Томасу руку, словно они не виделись несколько месяцев. На самом деле они ужинали в Юрсхольме не далее как в понедельник. – Ужасная история с твоим домом, – сказал босс, жестом указывая на стул. – Что ты собираешься делать – будешь восстанавливать?

Как мило и спокойно, подумал Томас. Теперь выдохни и жди, что он тебе скажет.

– Да, наверное, – сказал он, сел и откинулся на спинку, слегка расставив колени. Это успокаивало.

– Ну, наше предложение о прослушивании идет как горячий нож сквозь масло, – сказал Пер Крамне. – Все очень довольны твоим анализом, и я хочу, чтобы ты это знал.

Томас сглотнул и протестующе вскинул руку.

– Это было всего лишь продолжением моей работы с земельными советами…

Крамне порылся в папках, стоявших в шкафу справа от стола.

– Теперь нам надо заняться текущей работой, – сказал он. – Проследить за исполнением проекта. Правительство назначит парламентскую комиссию, которая проверит все статьи и предложит изменения.

– Комиссию для изучения? – поинтересовался Томас. – Или для попытки утопить проект?

Проблема заключалась в том, что такие комиссии назначали в двух случаях: когда надо было что-то сделать или когда власть *не хотела* что-то делать. Одним и тем же методом можно было либо протолкнуть, либо похоронить какой-либо проект.

Помощник статс-секретаря выдвинул какой-то ящик и продолжал рыться там.

– Ты читал служебную записку? Мне кажется, ее разослали, когда ты еще был здесь.

Томас с трудом подавил желание скрестить руки на груди и закинуть ногу на ногу – занять оборонительную позицию.

– Нет, – ответил он, не меняя позы. – Что там за условия?

Крамне с грохотом задвинул ящик и поднял голову.

– Директивы дьявольски просты, – сказал он. – Любая предложенная реформа не должна удорожать содержание преступников под стражей. Нам нужен экономист в группу анализа последствий законодательных предложений, а эта должность требует некоторых навыков в политике. Наша цель – отменить пожизненное заключение, и некоторые из наших противников уже кричат, что это новшество обойдется казне очень дорого. Я абсолютно убежден, что они не правы.

Он улыбнулся и с такой силой откинулся на спинку стула, что она с треском ударилась о стену.

– Вот здесь-то мы и найдем тебе место, – сказал он.

– Место экономиста? – спросил Томас с упавшим сердцем.

Не на это он рассчитывал. Он надеялся на нечто большее, на высокое положение в самом отделе. Быть экономистом в министерстве юстиции – это не звучит, это все равно что быть сторожем или швейцаром.

– Нам нужен эксперт для комитета, – кивнув, ответил Крамне.

– Для проведения экономического анализа?

– Именно так. Мы продлим твой контракт до окончания работы комиссии, то есть года на два.

Томас почувствовал, как кровь бросилась ему в голову. Два года! Его первая реакция была ошибочной. Ему же предлагают блестящую карьеру! Это означает, что на два года ему гарантирована престижная работа и шанс сделать ее постоянной. В любом случае он остается в департаменте. Он – правительственный чиновник! Настоящий.

Надо с самого начала показать себя с лучшей стороны.

– Отмена пожизненного заключения… – сказал он. – Почему это дорого? Разве это не уменьшит расходы?

На лице Крамне отразилось легкое раздражение.

– Любое изменение стоит денег. Сегодня осужденный на пожизненное заключение проводит в тюрьме в среднем тринадцать-четырнадцать лет. Ты знаешь, что людей обычно освобождают после отбытия двух третей срока? Если избавиться от пожизненного заключения, то новый максимум составит около двадцати пяти лет.

– В самом деле? – спросил Томас.

– Это, конечно, предъявит довольно жесткие требования к тюремным службам. Но этим мы сможем заняться позже. Для начала надо оценить непосредственные, сиюминутные последствия, потом посмотреть, как они будут видоизменяться и как окончательно определить допустимые сроки заключения.

Крамне подался вперед, наклонился к Томасу и понизил голос:

– До настоящего момента правительство не увеличивало сроки тюремного заключения за самые разные преступления, за исключением сексуальных домогательств, так что я считаю, что наше время пришло.

Он откинулся на спинку стула, которая снова с грохотом ударилась о стену. Томас положил ногу на колено и принялся оттирать с туфли несуществующее пятнышко – чтобы Крамне не увидел, как он покраснел.

– Значит, моя задача – проанализировать возможные расходы, связанные с новой законодательной инициативой? – спросил он. – А потом все как прежде?

– Да, ты сохранишь за собой кабинет и будешь работать как обычно. Я уже обсудил этот вопрос с Халениусом, статс-секретарем, и он одобрил. Добро пожаловать на борт!

Пер Крамне протянул руку, и Томас с улыбкой ее пожал.

– Спасибо, шеф, – сказал он.

– Заниматься всей этой статистикой, – произнес Крамне, снова подавшись вперед и понизив голос, – все равно что пасти кошек.

Помощник статс-секретаря встал со стула и указал рукой на дверь. Томас неуклюже поднялся на ставшие ватными ноги.

– Когда мне приступить к работе? – спросил он.

Крамне удивленно вскинул брови.

– Не понял вопроса, – сказал он. – Мне кажется, что медлить нет никакого смысла. Свяжись с кем-нибудь из национального совета по профилактике преступлений и проведи с ним анализ текущих приговоров, чтобы нам было с чего начать.

Томас летел в свой старый кабинет, не чуя под собой ног. Пусть его кабинет расположен на четвертом этаже – далеко от кабинетов подлинной власти на шестом и седьмом этажах, пусть он тесный и темный, пусть он выходит на Фредсгатан – пусть, все равно он, Томас, работает в Розенбаде!

Остановившись на пороге, он окинул взглядом убранство кабинета и закрыл глаза.

От секса у него ломит в мошонке, он живет в шикарной квартире в Эстермальме, и он работает в правительстве!

«Что может быть лучше?» – подумал он, вошел в кабинет и повесил пиджак на спинку стула.

Автобус резко затормозил, Аннику швырнуло вперед, и она ударилась переносицей о спинку переднего сиденья. Она растерянно потерла ушибленное место и посмотрела в окно. Автобус остановился на красный свет у станции метро восточной ветки.

Она вышла, вошла в метро на станции «Технический институт» и посмотрела на часы.

Если все пойдет по плану, то она – до встречи с Ниной Хофман – успеет заскочить в банк.

Она вышла на «Слуссене» и по Ётгатан дошла до отделения своего банка.

Ей пришлось прождать двадцать минут в очереди, прежде чем она подошла к окошку.

– У меня возникли неожиданные проблемы, – сказала Анника, протягивая оператору заполненные бланки. – Мой дом сгорел. Я не успела вынести личные документы, банковские карты – вообще ничего. Поэтому мне приходится вот так снимать деньги. Надеюсь, это можно?

Оператор бесстрастно посмотрела на Аннику сквозь толстые стекла очков.

– Совершенно очевидно, что я не могу отдать деньги человеку, чья личность не подтверждается никакими документами.

Анника понимающе кивнула.

– Да, – сказала она. – Это я понимаю. Но у меня нет никаких документов, так как они сгорели. У меня нет денег, поэтому мне срочно нужны наличные.

Женщина в окне поморщилась так, как будто от Анники дурно пахло.

– Это даже не обсуждается, – сказала она.

Анника судорожно сглотнула.

– Я помню наизусть номер своего счета, – торопливо сказала она. – Я точно знаю, сколько денег на моем счете. У меня есть телефонный доступ, я помню все коды…

Она подняла мобильный телефон и показала его кассиру, дружелюбно при этом улыбаясь.

– Мне очень жаль, – сухо произнесла женщина, – но я вынуждена попросить вас отойти от окна.

Аннику захлестнула волна добела раскаленной ярости.

– Послушай, – прошипела она, – чьи это деньги – мои или твои?

Оператор вскинула брови и нажала кнопку вызова следующего клиента. Какой-то мужчина поднялся с дивана, подошел к окну и демонстративно встал рядом с Анникой.

– У меня почти три миллиона крон на разных счетах вашего поганого банка, – пожалуй, чересчур громко сказала Анника. – Я хочу забрать все, до последнего эре и закрыть счет.

Женщина в окне посмотрела на Аннику с нескрываемым презрением.

– Вы должны подтвердить свою личность, прежде чем закрывать счет, – сказала она и повернулась к мужчине, который раздраженно протиснулся к окошку.

– Но это же мои деньги! – закричала Анника.

Она повернулась и быстро пошла к двери, отметив боковым зрением, что посетители банка смотрят на нее со страхом и отвращением.

Едва не разрыдавшись, она распахнула дверь и, выскочив на улицу, побежала по Фолькунгагатан к Данвикстуллю.

«Надо успокоиться, иначе люди могут подумать, что я ограбила банк».

Анника замедлила шаг и взяла себя в руки.

Через пять минут она вошла в пиццерию.

Аннике понадобилось несколько мгновений, чтобы узнать Нину Хофман. Женщина сидела в дальнем углу ресторана и внимательно изучала меню. Без формы она была неотличима от множества других молодых стокгольмских женщин – джинсы, водолазка, распущенные по плечам светло-каштановые волосы.

– Привет, – запыхавшись, произнесла Анника и протянула руку. – Прошу прощения, я немного опоздала. Хотела снять немного денег со счета, но у меня нет никаких документов…

Она вдруг почувствовала, что сейчас разрыдается, умолкла и несколько раз глубоко вдохнула.

– Прости. Я очень благодарна тебе за то, что ты согласилась со мной встретиться, – сказала Анника, садясь за стол. – У меня сгорел дом, и я не успела ничего оттуда вынести, даже документы.

В глазах Нины вспыхнул интерес.

– В Юрсхольме? Так это был твой дом?

Анника кивнула.

Нина Хофман несколько секунд внимательно смотрела на нее, потом снова взялась за меню.

– Ты ешь пиццу?

– Да.

Они заказали минеральную воду и по порции хрустящей «Кальцоне».

– Давненько мы виделись последний раз, – сказала Анника, когда официантка отошла от стола и направилась на кухню за заказом.

Нина Хофман кивнула.

– Это было в отделе полиции, – сказала она, – накануне выхода газеты. Ты принесла мне распечатку статьи, чтобы я ее посмотрела.

– Да, в тот день, когда арестовали этого финансиста, – напомнила Анника, – Филиппа Андерссона. Какое же облегчение все испытали, узнав, что так быстро нашли этого убийцу с топором.

– За все время службы мне редко приходилось испытывать такое отвращение к преступнику, – призналась Нина.

– Богатый и трусливый садист, – согласилась Анника. – Такое сочетание качеств не способствует всеобщей любви. Он в Кюмле, если я не ошибаюсь?

Нина Хофман вздернула подбородок.

– Что ты хочешь от меня узнать?

Анника согнала с лица улыбку.

– Не знаю, помнишь ли ты, но в ту ночь Юлия много говорила о Давиде. Давид не хотел, чтобы она во время беременности работала в полиции. Ему не нравилась ее короткая стрижка. Давиду не нравился обозначившийся животик. Давид надеялся, что родится мальчик. За время дежурства он звонил трижды, чтобы узнать, где мы находимся. Мне показалось, что он старался контролировать каждый ее шаг.

Нина холодно посмотрела на Аннику.

– Как ты ухитрилась все это запомнить?

– Давид уже тогда был телевизионной знаменитостью. Кроме того, у меня самой аллергия на контроль. Каким на самом деле был их брак?

Нина скрестила руки на груди.

– Тебе не кажется, что это сугубо личный вопрос?

– Мужей не убивают без веских на то причин.

Принесли пиццу, и они молча принялись за еду.

Съев половину пиццы, Анника отложила нож и вилку.

– Съесть целую «Кальцоне» – все равно что положить камень в желудок.

Нина продолжала есть, не подняв головы.

«Кажется, разговора не получится».

– Что у тебя нового? – спросила Анника. – Ты работаешь все там же, в отделе «Катарина»?

Нина покачала головой и вытерла губы салфеткой.

– Нет, – ответила она, бросив на Аннику быстрый взгляд. – Я получила повышение, теперь работаю инспектором.

Анника принялась изучать Нину Хофман. Та была умна и играла по правилам.

«Придется призвать на помощь все мои педагогические способности».

– Писать о таких личных трагедиях – очень щекотливая задача, – сказала Анника. – Публичный интерес к ним огромен, но нам, газетчикам, приходится считаться со всеми заинтересованными сторонами. Давид был одним из самых известных в Швеции полицейских офицеров. Не знаю, видела ли ты вчерашнюю пресс-конференцию, на которой было объявлено об

исчезновении Александра, но руководитель Национального управления криминальной полиции сказал, что убийство Давида – это покушение на общество в целом, на наши демократические принципы.

Выражение лица Нины изменилось.

– Это преступление задело комиссара лично. Раньше я никогда не видела его таким взволнованным. Если я правильно поняла, его реакцию разделяет большинство шведских полицейских. Вся шведская полиция близко к сердцу приняла убийство Давида Линдхольма. Это еще больше осложняет нашу работу.

Нина отложила нож и вилку и подалась вперед.

– Что ты имеешь в виду?

Отвечая, Анника старалась тщательно подбирать слова.

– Мы всегда балансируем на тонком канате над пропастью, когда пишем о текущих расследованиях, – медленно проговорила она. – Мы хотим опубликовать как можно больше информации для наших читателей, но в то же время должны учитывать особенности работы полиции. У полиции тот же конфликт интересов, но противоположный. Вы хотите эффективно работать, причем так, чтобы вам никто не мешал, но в то же время понимаете, что немногого достигнете, если не будете общаться с публикой, а делать это можно только через средства массовой информации. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Нина Хофман смотрела на Аннику тяжелым взглядом.

– Если честно, то нет, не понимаю.

Анника отставила в сторону тарелку.

– Нам нужно знать, что это за убийство, и поэтому требуется открытый диалог о том, что мы можем и должны публиковать. Это требует честности и доверия от обеих сторон. Если мы сумеем это сделать, то добьемся успеха – и вы, и мы.

Нина несколько раз моргнула.

– Мы всегда знаем больше, чем публикуем, – продолжала Анника. – Тебе это прекрасно известно. Я была с вами, когда ты и Юлия пошли в квартиру, где мог орудовать убийца с топором, но я не написала об этом ни строчки в следующем выпуске газеты. Также я показала тебе статью, в которой речь шла только и исключительно о тебе. Так я работаю, и именно это я имею в виду, когда говорю о нашей обоюдной ответственности…

Анника в тот раз действительно не написала ни слова об убийстве, так как обещала Нине этого не делать. Правда, она передала все детали Шёландеру, который живописал преступление на первой полосе.

– Так что ты хочешь знать о Юлии? – спросила Нина.

– Это сделала она?

– Расследование только началось, – уклончиво ответила Нина.

– Есть другие подозреваемые?

Нина молчала.

– Ты, должно быть, попала в странную ситуацию, – предположила Анника. – В странную с профессиональной точки зрения. Я понимаю, что ты не можешь участвовать в расследовании, но в то же время…

– Я вынуждена участвовать в нем, хочу этого или нет, – перебила Аннику Нина Хофман. – Я приняла этот вызов, мой коллега и я были первыми полицейскими, прибывшими на место преступления.

Анника вздрогнула.

– Наверное, тебе было очень тяжело, – предположила она, – сохранить объективность.

За соседним столиком вдруг расхохоталась какая-то парочка. Другая встала из-за стола, гремя стульями. Анника передвинула по столу нож.

– Объективность?

Анника дождалась, когда веселая парочка вышла из пиццерии.

– Не поддаться собственному мнению о виновности и невиновности.

– Давида убили во сне, – сказала Нина. – Мы нашли в кровати пистолет. Уже есть доказательства, что он и стал орудием убийства.

– На нем были отпечатки пальцев? Вы быстро сработали.

– Все еще проще. Это был табельный пистолет Юлии.

Анника едва удержала возглас изумления.

– Откуда это известно? Ведь все эти пистолеты похожи как две капли воды.

– У большинства полицейских пистолеты «Зауэр-225». Но у каждого пистолета есть номер, который записан за определенным полицейским.

– Я могу это опубликовать?

– Естественно, нет.

За столом повисло неловкое молчание. Вокруг вставали и уходили люди.

– Что думает полиция об Александре? Жив ли он? – спросила Анника, когда затянувшееся молчание стало действовать ей на нервы. – Не пора ли обратиться к людям, чтобы они помогли в поисках мальчика?

Нина Хофман несколько долгих секунд мрачно смотрела на Аннику.

– Мы не знаем, жив ли Александр, – ответила она наконец. – Пока мы считаем, что жив. Но очень важно, чтобы публика не теряла бдительности.

– Если он мертв, то что, по-вашему, могло с ним случиться?

– Он целую неделю не был в детском саду. Юлия позвонила туда и сказала, что мальчик болен. Последним, кто видел мальчика, был сосед Линдхольмов снизу, Эрландссон. Он видел в глазок, как Юлия спускалась по лестнице с Александром. Это было утром во вторник. У них была с собой цветастая матерчатая сумка.

– Но об этом я тоже не могу писать?

Некоторое время обе женщины сидели молча. Официантка унесла тарелки. Они не стали пить кофе и попросили счет.

– Кстати, – сказала Анника, расплатившись деньгами Берит, уже собравшейся уходить Нине. – Почему этим не занимается национальная криминальная полиция? Разве не она расследует все преступления, совершенные сотрудниками полиции?

– Юлия уволилась из полиции две недели назад, – ответила Нина, вставая.

Она была на голову выше Анники.

– Уволилась? – переспросила Анника. – Почему?

Нина молча посмотрела на Аннику.

– Если хочешь, я могу зайти с тобой в банк. Надо, чтобы кто-нибудь подтвердил твою личность.

Анника от неожиданности остановилась, изумленно приоткрыв рот.

– Ты это сделаешь? Это было бы просто здорово.

Они вышли из пиццерии и молча направились к банку по Ёттгатан.

Очередь между тем рассосалась – закончился обеденный перерыв. Анника заполнила новые бланки и подошла к той же очкастой кассирше.

– Привет, это снова я, – сказала Анника. – И я опять хочу снять деньги.

Нина Хофман протянула кассирше водительские права и полицейское удостоверение.

– Я могу удостоверить, что эта женщина та, за кого себя выдает, – твердо произнесла она.

Кассирша скорчила недовольную гримасу и коротко кивнула.

Она отсчитала двадцать пять тысяч крон тысячными купюрами и легким движением кисти бросила их Аннике.

– Не будете ли вы так любезны положить их в конверт? – едко поинтересовалась та.

Кассирша едва не поперхнулась от злости.

– Как только я открою счет в другом банке, вернусь и закрою здесь все свои счета, – пообещала Анника и, круто повернувшись, пошла к выходу.

Оказавшись на улице, Анника медленно выпустила из груди воздух.

– Спасибо, – сказала она и протянула Нине руку. – Не могла даже вообразить, что все окажется так просто…

– Полицейское удостоверение обычно хорошо помогает, – ответила Нина и, впервые за их встречу, скупо улыбнулась.

– У тебя не сохранился номер моего мобильного? – спросила Анника.

Они разошлись в разные стороны – женщина, офицер полиции, пошла к Данвикстуллю, а Анника спустилась в метро на станции «Слуссен».

Шюман сидел за столом и беспомощно смотрел на полученную накануне директиву руководства. Шестьдесят сотрудников.

«Он должен уволить шестьдесят сотрудников».

Главный редактор встал и принялся расхаживать по своей крохотной каморке – шаг в одну сторону, шаг – в другую.

Он снова сел и нервно провел ладонью по волосам.

Если он станет протестовать, то результат будет один – ему придется собрать вещички и уйти. Шюман хорошо это знал, проведя много лет в теплых объятиях семьи. Руководить газетой сможет кто угодно, у Шюмана не было иллюзий относительно собственной незаменимости. Вопрос заключался лишь в профессиональных амбициях нового руководства. Превратит ли оно «Квельспрессен» в грязную половую тряпку с голыми девками на третьей странице? Выбросит всю политику, аналитику и расследования, чтобы оставить только сплетни о знаменитостях?

Или семья просто закроет газету?

«Квельспрессен» не была любимым детищем семьи – это было еще мягко сказано. Если бы газета не давала прибыль, то ее давно бы уже убили и похоронили.

Выколачивание дохода любой ценой было главным требованием владельцев, когда его несколько лет назад назначили главным редактором и юридическим лицом, ответственным за издание. Андерс Шюман всегда держал газету на плаву, но шестьдесят сотрудников?

Конечно, это дело надо обсудить с новым управляющим директором, парнем, недавно окончившим высшую экономическую школу и получившим место в «Квельспрессен», потому что был другом сына одного из членов семьи. Пока этот щенок не поднимал волну (к всеобщей радости).

Андерс Шюман положил директиву на стол.

«Да, это неплохая идея».

Наверное, щенку придется взять на себя ответственность и поработать за тот миллион крон, что он получает здесь за год.

Впрочем, щенок не может знать, что делать, каких сотрудников можно уволить, так что все равно ему, Шюману, придется определять приоритеты и отвечать за все. Если же он пошлет в битву щенка и сокращение пройдет, то вся ответственность ляжет на щенка, а он останется в стороне, изображая из себя слабую невинную жертву.

«Этот номер у него не пройдет».

Какими конфликтами все это грозит?

Конечно, профсоюз. Поднимется страшный шум.

В газете около пятисот сотрудников, половина из них работают в редакциях, а следовательно, являются членами Шведской ассоциации журналистов. (Те, кто пока не является таковым, тотчас вступят в нее, как только замаячит перспектива сокращения.) Ничто так не способствует солидарности, как угроза собственным кошелькам.

Остальные двести пятьдесят – члены профсоюза наемных работников (рекламный отдел, отдел маркетинга, администрация), было еще несколько десятков человек, работавших в смену.

Что можно сократить?

Отдел рекламы сокращать нельзя – это даже не обсуждается. Им и так придется напрячься ввиду развертывающегося кризиса, и реклама – единственный способ сохранить доходы хотя бы частично. Аналитиков и распространителей трогать тоже нельзя. Технические службы и так уже ободраны почти до костей.

Остаются редакции и администрация.

Андерс Шюман вздохнул. Ему вдруг захотелось встать и пойти к кофейному автомату, но он, закрыв глаза, представил себе горький вкус напитка и решил повременить. Другой способ поднять доходы – увеличить количество проданных экземпляров, что предъявило бы повышенные требования к квалификации журналистов. Значит, сокращения в составе редакций надо производить с хирургической точностью.

Но это означает неизбежный конфликт с профсоюзом.

Надо сохранять и увольнять людей по их способностям и умению работать, но у профсоюза свой принцип: первым увольнять того, кто пришел последним.

Если он пойдет таким путем, то уйдут все, кого недавно взяли на работу, и останутся только старые кадры, а это невозможно, если газета хочет выжить.

Новые люди, работавшие на сайте газеты, были незаменимы. Если их уволить, то все траты на них окажутся неоправданными, а это громадные убытки. Но нужно было сохранить и старые, проверенные, квалифицированные кадры, которые, например, еще знали, кто такой канцлер юстиции, например.

Шюман испустил горестный стон.

Профсоюз наемных работников и Ассоциация журналистов были относительно слабыми и рыхлыми организациями. Они редко всерьез ввязывались в драку и практически никогда не руководствовались здравым смыслом. Шюман до сих пор помнил свое удивление, когда Ассоциация журналистов в одностороннем порядке предложила, чтобы журналисты-практиканты получали другую работу (например, мытье посуды в ресторанах, уборка помещений или работа у конвейера на заводах «Вольво») в случае увольнения. Это предложение было настолько несерьезным, что его не стали рассматривать ни правительство, ни деловые круги.

Шюман почесал бороду.

В понедельник состоится ежегодное собрание местного отделения профсоюза. На собрании выберут нового председателя, так как предыдущий председатель с августа уходит в учебный отпуск.

Места председателя отделения домогались многие, ибо оно позволяло полностью посвятить себя делам ассоциации и отдалиться от редакционных проблем. Мало того, стать председателем отделения профсоюза значило приобщиться к власти, так как должность приближала к руководству. Председатель становился полноправным участником заседаний совета директоров, как представитель трудового коллектива.

Лишь бы это был человек с мозгами, подумал Шюман и решил все-таки встать и пойти к кофейному автомату.

Когда Анника вошла в помещение редакции с новенькой сумкой на плече, ей показалось, что сотрудники как-то странно на нее смотрят. Естественно, коллеги были не прочь посплетничать – к этому располагала и профессия, – а пожар в ее доме наверняка был вчера главной темой толков и пересудов.

Она поправила на плече ремень сумки и быстро зашагала дальше.

Сначала надо взять требование и получить в технической службе новый ноутбук, потом постараться найти в Интернете старые материалы, а уже после этого заняться статьей о Юлии Линдхольм.

Но прежде всего надо выпить чашку кофе.

Бросив сумку и куртку на длинный стол репортеров дневной смены, она пошла к кофейному автомату.

Там она обнаружила Андерса Шюмана, который близоруко смотрел на кнопки, пытаясь в них разобраться.

– Как мне налить крепкий с сахаром, но без молока? – спросил он.

Анника быстро нажала последовательность: +крепость, +сахар, -молоко, а потом – «Приготовить».

– Как насчет компьютера? – спросила она. – Я могу его получить?

– Требование я подписал, оно лежит у меня на столе, – ответил главный редактор. – Тебе нужно что-нибудь еще?

Она задумалась.

– Мне нужна машина, – ответила Анника. – Я могу в выходные воспользоваться одной из редакционных машин?

– Наверное, да, – сказал Андерс Шюман и направился в свой кабинет. – Кстати, ты не знаешь, кто такой канцлер юстиции?

– Канцлер юстиции? – удивленно переспросила Анника. – Это динозавр. А что?

Главный редактор остановился.

– Динозавр?

– Да, или еще какое-нибудь доисторическое животное, – усмехнулась Анника. – Это же полнейший абсурд, что такая должность продолжает существовать только потому, что ее учредили в начале восемнадцатого века. Теперь любой человек в Швеции имеет право менять своего адвоката, не спрашивая разрешения правительства. Так что это совершенный нонсенс.

– Можно ли сместить канцлера юстиции с должности? – спросил Шюман.

– Никак нет, – отчеканила Анника.

– Ладно, иди за мной, я дам тебе требование.

Она потащилась за главным редактором в его кабинет. Комната была не маленькой, но Андерс Шюман был так громаден, что кабинет в его присутствии казался жалкой каморкой.

– Вот оно, – сказал он, вручая Аннике лист бумаги. – Полиция обнаружила поджигателя?

Анника покачала головой и тяжело сглотнула.

«Это Гопкинс, жалкий старый мерзавец! Чтоб он сгорел в аду!»

Шюман выдвинул ящик стола, порылся в нем, нашел еще один бланк требования и поставил внизу закорючку.

– Можешь взять машину на неделю, – сказал он. – Если Туре возмутится, пошли его ко мне.

Анника положила листок в сумку и отправилась в кладовую. Она чувствовала, что люди смотрят на нее, и опустила глаза, чтобы не встречаться ни с кем взглядом.

Она пять минут ждала, пока Туре – завхоз – закончит важный телефонный разговор о том, на кого ставить на скачках.

– Можешь взять вот этот. – Туре указал на стоявший на столе видавший виды компьютер, когда Анника объяснила ему, зачем пришла.

– Он работает? – спросила Анника.

Туре посмотрел на нее с видом оскорбленной невинности.

– Конечно, работает, я лично его проверял.

– Гм, – с сомнением в голосе буркнула Анника и включила ноутбук.

Программы загрузились. Автоматически включился браузер, подключенный к беспроводной редакционной сети. В Ворде оказалась масса старых статей Шёландера.

Анника покорно вздохнула.

– Отлично, – сказала она, – и еще мне нужна машина…

Она протянула Туре подписанное Шюманом требование.

Туре недоверчиво посмотрел на бланк.

– И зачем тебе понадобилось «Вольво-70»?

– Я задумала ограбить банк, и мне нужна приличная скоростная машина, чтобы убежать от полиции, – ответила Анника.

– Звучит забавно, – сказал Туре и протянул Аннике ключи. – Машина заправлена. Не забудь залить полный бак, перед тем как вернуть автомобиль.

Она прошла в помещение новостной редакции, поставила ноутбук на репортерский стол и принялась читать об убийстве полицейского комиссара все, что смогла найти в Интернете и в служебных файлах «Квельспрессен».

– Анника, – окликнул ее незаметно подошедший Спикен и положил руку ей на плечо. – Как насчет рассказа очевидца: «Как я спаслась из пламени»?

Анника подняла голову и увидела, что вокруг нее собралась почти вся редакция.

– Это правда, что полиции известно имя поджигателя? – спросил Патрик Нильссон. Теперь он вместе с Берит отвечал в газете за криминальную хронику.

– Тебе надо заполнить бланк заявления о потере старого ноутбука, – сказала Ева-Бритт Квист, секретарь редакции, которую недавно произвели в председатели аппарата администрации. Кажется, впервые в жизни Квист была по-настоящему счастлива.

Прибежала из своей комнатки – прежнего кабинета Анники – даже девушка с пирсингом, ведущая коммерческих радиопрограмм. Она, не стесняясь, во все глаза смотрела на живого погорельца.

– Это было страшно? Нет, конкретно, это было кошмарно страшно? – спросила она. – Какая ты, типа, бедняжка.

– Все нормально, – сказала Анника, развернув стул спинкой к краю стола. – Все нормально, со мной все в порядке. Спасибо за заботу, но у меня масса дел…

Никто не сдвинулся с места.

– Наверное, ты очень испугалась, – не унималась девушка, потряхивая вставленной в нижнюю губу побрякушкой, и подошла к Аннике еще ближе.

– Все по местам, – скомандовал Спикен, и люди, недовольно ворча, побрели работать.

– Заявление о потере нужно мне до понедельника, иначе тебе придется ее возмещать из собственного кармана, – сказала напоследок Ева-Бритт Квист.

Шеф новостной редакции снова обратился к Аннике:

– Мы ничего не публиковали об этом, но если ты напишешь репортаж очевидца, то мы оставим место на одиннадцатой полосе.

Анника откашлялась.

– Спасибо за предложение, но я его отклоню, – сказала она. – Шюман попросил меня написать о Юлии Линдхольм.

– Это будет замечательный эксклюзив, – восхитился Спикен. – Тайная история копа-убийцы.

– Гм, – хмыкнула Анника. – Она не признана виновной. По крайней мере пока.

– Это дело техники, – сказал Спикен и вернулся на свое место.

Анника закрыла новостную страницу и зашла в свой почтовый архив – annika-bengtzon@hotmail.com – и принялась открывать свои записи и документы прошлых лет.

Здесь хранились такие старые сведения, что она уже успела о них забыть. Выдержки из бесед с Патрицией, работавшей в порноклубе, в студии 6; заметки о первой встрече с Ребеккой,

владелицей фонда «Парадиз»; копии статей, которые она писала для «Норрландстиднинген», когда раскапывала старую историю взрыва на базе Ф-21 и оказалась в центре событий, связанных с убийством журналиста Бенни Экланда.

Внезапно ее поразила одна мысль. «И это все, что у меня осталось. Все сгорело в огне. Какое счастье, что я сохранила свой архив в Интернете…»

Она отбросила с лица волосы и продолжила поиски. Та история тоже должна быть где-то здесь.

Она наконец нашла нужный документ и углубилась в чтение небольшой записки, уместившейся на одной странице.

Нина Хофман и Юлия Линдхольм росли вместе в одной деревне в Сёдерманланде, с третьего класса сидели за одной партой, обе успешно занимались спортом. Обе одерживали победы на местных первенствах и чемпионатах по легкой атлетике. Обе вступили в молодежное крыло социал-демократической партии в Катринехольме. Им было тогда по пятнадцать лет, но Ёран Персон им не нравился, они называли его «Нивея» – «скользкий и неприятный». Потом обе (как и сама Анника) изучали общественные науки в Дювехольме. Если бы они были на пару лет старше, она, наверное, помнила их, но четыре года – большая разница в этом возрасте. После окончания школы Нина полгода путешествовала по Азии, а Юлия получила место помощника учителя в Стенхаммарской средней школе во Флене. Когда Нина вернулась в Швецию, подруги вместе поступили в полицейскую академию. К тому времени, когда Анника провела с ними ночь в патрульной машине, девушки служили в полиции уже пять лет – они были патрульными в районном отделе «Катарина» в Стокгольме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.